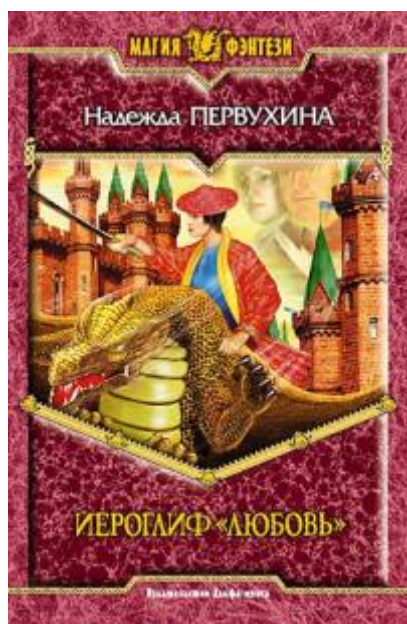

Надежда Первухина
Иероглиф «Любовь»
Серия «Иероглифы», книга 1

<http://www.fenzin.org>
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137486
Иероглиф «Любовь»: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга»; М.; 2006
ISBN 5-93556-627-3

Аннотация

Яшмовая Империя – волшебная страна, где бессмертные чиновники Небесной Канцелярии влюбляются в простых служанок, а наложницы становятся императрицами... Здесь иероглиф, начертанный мастером каллиграфии, может обладать разрушительной или созидательной силой и одолеть стотысячное войско; здесь чудесные фениксы, драконы и даже черепахи приходят на помощь людям (хотя и без большой охоты, уж такой у этих зверюг норов). Здесь феи могут сшить вам туфельки из лепестков лотоса, а могут и пакость подстроить – вовек не опомнитесь.

А прекрасной принцессе Фэйянь, наследнице династии Тэи, предстоит вернуть себе престол и найти своего Настоящего Возлюбленного (иначе для чего еще существуют принцессы?). И хоть у каждого героя здесь свой Путь, по все Пути когда-нибудь пересекаются. Как завитки в иероглифе «Любовь»...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	27
Глава четвертая	35
Глава пятая	44
Глава шестая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Надежда Первухина

Иероглиф «Любовь»

Посвящается всем тем, кто и в наше время ищет любовь. Или хотя бы верит в ее существование

Дорога появляется, когда ее протопчут люди.
Чжуан-цзы

Глава первая У ДВОРЦОВЫХ ВРАТ

В Яшмовой Империи не плачут,
Ибо нет там повода для плача.
В Яшмовой Империи к живущим
Издревле благоволит удача.

Каждого там охраняет Небо,
Берегут Дракон и Феникс ярый.
Жителей Империи обходят
Голод, наводнения и пожары.

Император Яшмовый подобен
В мудрости – Создателю Вселенной.
Оттого благополучье царства
Твердо, бесконечно, неизменно.

Здесь не ищут выгоды, не мучат
В тюрьмах и судах людей невинных.
Лотосу Империя подобна
В царствие владыки Жоа-дина.

... Яшмовая Империя (также называемая в летописях, поэмах и официальных свитках Империей Белой Яшмы, Пренебесным Селением и Сверкающим Садам) прекрасна в любое время года. Ее величавые горы, холмы и плато, священные реки, лиственничные и кедровые леса, бамбуковые рощи и заросли ароматного лавра подобны россыпи драгоценных украшений – то на белоснежном шелку снегов, то на парче летней зелени, то на пурпурном и золотом бархате осенних дней... Но тот, кто мечтает узреть Яшмовую Империю во всем блеске ее неповторимой красоты, должен посетить ее весной – благословенной весной, когда кажется, что сами небожители сходят с горних высот на просторы этой страны и наделяют ее красотой, негой и радостью жизни.

О, любезный читатель! Простите меня за столь длинное предисловие. Я знаю, что вы, драгоценный читатель мой, предпочтение отдаете приключениям, происходящим в книге, описание же прелестей природы почитаете делом пустым и никчемным. Что ж, любезный читатель, посему я провожу завершающую черту под иероглифом «шань-шуй», означающим изображение красот пейзажа, откладывая в сторону кисть-цзыхао, незаменимую в создании благородного литературного стиля и беру обычную колонковую кисть для скорописи. Ибо мне ведомо, что ты, о, любезный и достойнейший читатель этой книги, не склонен ждать.

Итак, я расскажу вам, почтенный читатель, о Яшмовой Империи, стране восхитительной и загадочной. Поведаю о том, что случилось в ней в стародавние времена, когда небесные покровители порой бродили среди людей, подобно простым смертным, а мудрость, милосердие, честность и справедливость ценились дороже золота и серебра...

Над столицей Яшмовой Империи – огромным городом Тэнкином – простерла свой узорчатый покров поздняя весна. Стоял месяц Благоухающего Жасмина¹.

Над Непревзойденным императорским дворцом, над всеми его парками, павильонами, беседками, галереями, рукотворными горками, водопадами и озе рами царил сладкий, томящий сердце аромат жасминовых куш. В куцах захлебывались страстными трелями соловьи, а также обученные искусно подражать пению соловьев дворцовые евнухи.

Великий владыка Пренебесного Селения, император Жоа-дин, потомок богоподобной династии Тэн, чрезвычайно ценил краткое время весеннего томления и свежести. По глубинным свойствам своей души владыка Жоа-дин был созерцателем и склонен к постижению гармонии мироздания. Но он был слишком молод для того, чтобы безраздельно отдаться лишь одному созерцанию, воспеванию гармонии и размышлениям над превратностями Мирового Пути. Тем более что он совсем недавно занял престол полноправного владыки великой Яшмовой Империи – как только истек положенный траур по его отцу, Столетнему Императору Хона-дину. Отец оставил ему немало государственных забот и задач, которые требовали немедленного решения, – до созерцания ли тут, до размышлений ли о превратностях Мирового Пути!

Семнадцатилетний император Жоа-дин, владыка земель, рек и гор, главнокомандующий великой, непобедимой армией Белой Яшмы, вынужден был вести сразу три войны, подавлять бунты, то и дело вспыхивающие в разных отдаленных провинциях своей страны, а также выявить и казнить всех дворцовых заговорщиков, не желающих видеть его на Яшмовом престоле. Следует сказать, что молодой государь блестяще справился со всеми трудностями, оказавшимися на его пути, – и это не даром, ведь он был сыном Столетнего Императора, чей ум, дальновидность и прозорливость вошли в легенды и бесчисленные дворцовые летописи.

Из всех трех войн владыка Жоа-дин вышел победителем, взяв огромную дань с побежденных стран; восстания в провинциях подавил беспощадно и стремительно, а уж о том, как молодой император раскрыл дворцовые заговоры и расчелся со всеми, кто не желал его видеть на Яшмовом престоле, можно написать отдельную книгу.

Девизом своего правления Жоа-дин избрал слова древнего мудреца: «Справедливость сияет ярче солнца», и нельзя сказать, чтобы его подданные не узрели этого сияния. В конце концов, император лишь воздавал каждому по заслугам и делал то, что и должно делать человеку, наделенному божественной властью. Владыка Жоа-дин следовал Канону Пресветлых, коему следовал и его отец: «Во-первых – мудрость, во-вторых – справедливость, в-третьих – добродетели, в-четвертых – изысканность, в-пятых – созерцательность».

Следуя этому канону, император Жоа-дин достиг и мудрости, и справедливости, и изысканности, и созерцательности. Хотя по годам он был юношей, разум его был подобен разуму умудренного ученого...

Однако, любезный читатель, и у императоров есть сердце. И чувства, иногда посещающие сердца владык мира, те же, что и гнездятся в сердцах простолюдинов. Самый жестокий, суровый и немилостивый узурпатор может сменить свой свирепый облик на облик, полный нежности, под благотворным действием любви. Что же говорить тогда об императоре Жоа-дине, чье сердце хоть и было властолюбиво, но не сумело противостоять тому, что в Яшмовой Империи зовут «благоуханием неба».

И вот, на двадцатой году своей жизни, победив всех врагов, император Жоа-дин, как говорят в пословице, «сменил оскал свирепого тигра на лик божественного феникса-фанхуана». Что послужило причиной такого превращения? Для того чтобы вы, дорогой читатель, это поняли, мы сделаем поэтическое отступление:

¹ См. Приложение в конце книги. – Здесь и далее примеч. автора.

Женщины – коварства воплощенье
Женщины – прекрасного начало.
Но не счесть нам, сколь мужей достойных
Чрез красоты женщин пострадало.

Воин забывал свою присягу,
А судья все медлил с приговором,
Если тонкобровая красотка
Их к себе манила нежным взором.

Что тогда сказать о драгоценных
Дамах императорских покоев?
Все они – как внешнее цветенье,
Все подобны ивам над рекою.

Но средь них две – лучшие из лучших.
Император их вниманьем дарит.
Как нефрит, чиста душа у первой.
У другой – как омут – дух коварен.

Кто же эти две женщины? – спросите вы, любознательный читатель. Но для начала позвольте ознакомить вас с тем, как в Непревзойденном дворце обстояло дело с семейной и сердечной жизнью великого государя.

Едва взойдя на престол, семнадцатилетний владыка Жоа-дин взял себе в жены девицу Тахуа из высокого и древнего рода юго-западных князей. И, разумеется, нарек ее императрицей. И хотя быть императрицей Яшмовой Империи – величайшая честь и привилегия, на деле владычица Тахуа не имела ни настоящей власти, ни влияния на супруга. Главной задачей императрицы было обеспечить престол Яшмовой Империи наследником, но, к несчастью, владычица Тахуа с этой задачей не справилась. Через год после брака с императором она разродилась мертвым младенцем, что придворные гадали сочли дурным знаком и предупредили императора, что ему не следует ожидать потомства от владычицы Тахуа и лучше всего положиться в столь серьезном вопросе на дворцовых наложниц.

Император Жоа-дин не испытывал чересчур нежных чувств и особой привязанности к своей супруге, поэтому разговор о наложницах имел для него определенную привлекательность. Тем более что кого-кого, а наложниц при дворе Яшмового императора всегда имелось в сущем изобилии. Владычица Тахуа, оправившись после своих неудачных родов, испросила у императора разрешения переселиться в Персиковый дворец и посвятить оставшуюся жизнь медитации, благотворительности и цветоводству. Тахуа была воспитана в строгих законах высокородных семейств и понимала, что ей, не подарившей императору наследника, не следует отныне привлекать чрезмерное внимание к своей особе.

Владыка Жоа-дин с пышностью и почтением препроводил Тахуа в Персиковый дворец, снабдив ее достаточной свитой, и при этом потребовал от жены письменное разрешение, позволяющее императору пользоваться услугами наложниц (такова дворцовая традиция).

Письменное разрешение, само собой, было дано, и владыка Жоа-дин, вызвав к себе верховного дворцового евнуха по прозвищу Лукавый Кот, потребовал, чтобы тот немедленно предоставил, его императорскому взору всех наличествующих во дворце наложниц.

Верховный евнух пал в ноги владыке, ударился несколько раз головой об пол и сказал: – Да простит меня небесный император и да не прогневается!

– В чем дело? – нахмурился владыка Жоа-дин, и даже драконы, вышитые на его парчовом халате, казалось, смотрели сурово.

– Цветник наложниц давно не пополнялся свежими бутонами, о, небесный император! – поэтически выразился Лукавый Кот. – А те наложницы, что остались от почившего императора, вашего почтенного отца, уже не имеют приличествующей прелести и свежести, каковая должна...

– Мне не нужны наложницы, оставшиеся от моего отца! – рыкнул молодой император. – Кстати, я и не предполагал, что они остались. Разве не должны все императорские наложницы последовать за почившим владыкой согласно древней традиции?

– Должны... – пробормотал евнух, бледнея.

– Так почему же они не повесились на собственных косах? – возмутился император. – Это же прямое разорение казны – содержать их!

– Простите, владыка! – возопил верховный евнух. При слове «казна» сердце Лукавого Кота затрепетало, как паутинка на ураганном ветру.

– Так, – сказал император Жоа-дин. – Вот мой приказ. Всем старым наложницам послать шелковые шнурки от моего имени. Надеюсь, они поймут этот намек. А тебе, верховный евнух, я даю десять палок – за нерадивость и десять дней на то, чтобы представить моим очам новых наложниц – самых прекрасных и совершенных девиц нашей Империи!

– Будет исполнено, владыка. – Верховный евнух еще раз ударился лбом о выложенный мозаикой пол и выполз из покоев императора на коленях, довольный тем, что отделался только десятью палками.

Любезный читатель! Не удивляйтесь жестокосердию великого императора! Во-первых, в ту пору он был еще весьма юн и неопытен, а во-вторых...

В древней Яшмовой Империи действительно существует ряд традиций, которые могут показаться дикими и негуманными прочим народам. Хотя, по чести сказать, верховный евнух Лукавый Кот заслуживал эти десять палок, потому что его проделки... Но об этом можно написать еще одну книгу, поэтому не стоит отвлекаться.

Итак, Лукавый Кот получил положенные ему десять палок от дворцового исполнителя наказаний, предварительно подкупив его связкой серебряных монет, поэтому наказание вышло, можно сказать, показательным. После чего Лукавый Кот всерьез озаботился и озаботил своих подчиненных поиском свежих и прекрасных цветов для любовного цветника императора. При этом верховный евнух проявил удивительную прыть и сообразительность, что и понятно: не уложись он в назначенный владыкой Жоа-дином срок, десятью условными палками ему уже не отделаться.

Незаметно пролетели отпущенные императором десять дней, и верховный евнух не разочаровал своего владыку. В особых Нефритовых покоях Непревзойденного дворца собрались первые красавицы Яшмовой Империи, разумеется, незамужние и возрастом не превышающие положенных пятнадцати лет. Это был не просто цветник, а ослепляющий взор неподготовленного наблюдателя сад женской красоты. Девицы Яшмовой Империи вообще миловидны, стройны и пленительны, но в императорском дворце собрались лучшие из лучших и родовитейшие из родовитых. Многие из прелестных девиц откровенно ликовали оттого, что им выпала возможность попасть во дворец императора, а некоторые тайком осушали рукавом горькие слезы, тоскуя по родным и понимая, что судьба государевой наложницы на самом деле лишена прелести вешнего сада и свободы горного родника. Ведь, став наложницей владыки, девица могла всю жизнь прождать, когда на нее обратят высочайшее внимание, в каких-нибудь удаленных дворцовых покоях и так и не узнать восторгов любви. А потом, когда она состарится, новый император пришлет ей шелковый шнурок...

Ах нет, порой лучше быть женой ловца креветок и жить с ним в бамбуковой хижине, чем получить должность императорской наложницы и вести грустную жизнь-заточение в золотых дворцовых стенах...

Владыка Жоа-дин, как уже говорилось выше, был молод и в определенных вопросах несколько неразборчив и на женщин умел смотреть лишь глазами, а не сердцем. Потому он повелел оставить всех девиц (а их было около сотни) во дворце в качестве наложниц, опрометчиво решив, что со временем он разберется в прелестях каждой...

О, если бы император мог знать, чем в дальнейшем обернется его опрометчивость! Но не будем забегать вперед.

Любезный читатель, вы, наверное, полагаете, что разместить во дворце добрую сотню девушек (и при каждой – три служанки, две певички, две портнихи, два евнуха, мальчик на побегушках и мальчик на колотушках) очень нелегко. Но это же Непревзойденный дворец Яшмовой Империи! Он простирается во все стороны света на много десятков тчи² и подобен целому городу (иногда его называют Заветным городом, и это правда, потому что побывать в нем – заветная мечта многих жителей иных стран). Главное здание Непревзойденного дворца – Божественные императорские покои – расположено в центре всего комплекса и возвышается над ним, как гора Шицин³ возвышается над остальными горами Яшмовой Империи. К югу от Божественных покоев выстроены три прелестных, изящных дворца: дворец Золотых Мыслей, дворец Благих Намерений и дворец Сладких Грез. Между собой эти три дворца соединены крытыми галереями из драгоценного резного дерева, инкрустированного яшмой, нефритом и перламутром.

На востоке от главных покоев императора красуется стройный и торжественный дворец Восточного Ветра, окруженный павильонами и беседками, пригодными как для благочестивых размышлений, так и для поклонения ветру и луне.⁴

Здесь больше всего растет пышных деревьев и кустов, скрывающих от нескромных и случайных взоров то, что следует скрыть. На западе, словно для того чтобы уравновесить легкомысленность дворца Восточного Ветра, при прежней династии был сооружен храмовый комплекс Пяти башен; каждая из башен отвечала за одну из великих добродетелей. Не стоит в этой скромной книге перечислять пять – великих добродетелей, ибо вы, любезный читатель, как человек добродетельный, наверняка их знаете и не перестаете им следовать. В храмовом комплексе совершались торжественные государственные церемонии, важные моления, публичные чтения священных свитков с поучениями Почтенных Просветленных и прочие возвышающие душу действия...

О чем же мы с моей верной подружкой-кистью еще не упомянули? Ах, как можно такое забыть?! На севере от Божественных императорских покоев располагалось в глуши персиковых садов скромное, но изящное невысокое здание Персикового дворца. Именно сюда удалилась от супруга и дворцовых интриг благочестивая, но несчастная императрица Тахуа, со времени неудачных родов решившая похоронить свою молодость и красоту. Следует заметить, что, с тех пор как владычица Тахуа обосновалась в Персиковом дворце, император Жоа-дин ни разу не навестил законную супругу, обмениваясь с нею в основном официальными письмами и поздравительными свитками к дням дворцовых праздников...

Итак, любознательный и драгоценный читатель, теперь вы имеете некоторое представление о том, чем на самом деле являлся Непревзойденный дворец Яшмового владыки, и насколько легко в нем было разместить не то что сотню красавиц, но даже и конное войско.

² Тчи – мера длины, принятая в Яшмовой Империи, равная приблизительно 1, 25 км

³ Гора Шицин – самый крупный горный массив Яшмовой Империи. По существующим в Яшмовой Империи непроверенным данным на горе Шицин живут боги, бессмертные герои, а также милостивые Небесные Чиновники Главной Небесной Канцелярии. Гора объявлена священным национальным достоянием

⁴ «Поклонение ветру и луне» – эвфемизм, означающий в Яшмовой Империи все, имеющее отношение к эротике.

Впрочем, сейчас мы ведем речь не о войсках, а, если вы, любезный читатель, еще не забыли, о красавицах.

Прибывших прелестных дев разместили в бесчисленных покоях дворца Восточного Ветра. Верховный евнух по прозвищу Лукавый Кот, а также шесть главных евнухов – Цин, Цюй, Цзань, Цисин, Цо и Цо-второй – должны были надзирать за вновь прибывшими наложницами, устраивая все так, чтоб ни одна из девиц ни в чем не нуждалась, кроме нежного внимания великого владыки Жоа-дина, и лишь об этом мечтала во всякий день и ночь.

Рассказать в этой скромной книжке о каждой из наложниц владыки Жоа-дина – дело невозможное и превышающее наши силы и воображение. И к тому же тем самым я рискую подвергнуть серьезному испытанию ваше терпение, любезный наш читатель! Поэтому моя кисть опишет лишь двух из них, имеющих самое непосредственное отношение ко всей этой истории.

Первая девушка звалась Нэнхун, что в переводе означает «Способная алеть». Нэнхун происходила из высокого, древнего, но обедневшего рода северных князей Жучжу; родители девушки отличались возвышенными понятиями о жизни и редким благочестием, что, увы, в этом мире не приносит золота в сундуки. У родителей прелестной Нэнхун было слишком много долгов и мало друзей с сундуками, полными серебра. Поэтому, когда приспешники верховного императорского евнуха потребовали у обедневших князей отдать Нэнхун в государственные наложницы, тем ничего не оставалось, как повиноваться.

– Прости нас, милое дитя, – сказали, рыдая, Нэнхун ее почтенные родители. – Но у нас нет иного выхода! Ты знаешь – мы кругом в долгах. А когда ты станешь императорской наложницей, мы получим за тебя наградные деньги... Стыдно продавать родное дитя, но ничего не поделаешь. Видно, так распорядились Небеса.

– Не скорбите обо мне, – сказала Нэнхун родителям, удерживая слезы. – Мой дочерний долг – сделать так, чтобы вы были счастливы и благополучны. Если для этого мне нужно покинуть родимый дом и стать наложницей во дворце, что ж, покорюсь судьбе.

– Да благословят тебя восемь Просветленных, милое дитя! – сказали Нэнхун отец с матерью и, порывав еще некоторое время, расстались с нею.

Когда Нэнхун в числе прочих девиц прибыла во дворец, слуги и евнухи не могли не заметить, что, хотя одеяние девушки скромно, красота ее превосходит всякое разумение. Казалось, сама фея луны Фань сошла с горних высот и воплотилась в смертной деве.

Нэнхун была стройна и изящна, как молодое деревце персика, кожа ее была светлой, гладкой и шелковистой, словно отполированная пластинка белой яшмы, бинтованные ступни⁵ приметя за разбор их темных дел, вняв жалобам притесненных и обиженных.

⁵ В Яшмовой Империи высокородным девочкам бинтуют ступни специальными бинтами с пяти лет, чтобы ступня не росла, выглядела маленькой и изящной. Кроме того, на ступни надевали особые деревянные туфельки, служившие украшением, а не средством передвижения. Взрослой женщине невозможно передвигаться на таких изуродованных ногах, поэтому родовитые красавицы Империи передвигаются исключительно при помощи паланкинов и евнухов-носильщиков – крохотные и прелестные, подобные полураспустившимся бутонам пионов. Волосы Нэнхун, густые, блестящие, черные как антрацит, могли укрыть ее до пят, если бы девушка их распустила, но и в замысловатой прическе, сдерживаемые золотыми шпильками и заколками, они выглядели будто венец из драгоценного панциря Столетней Черепахи. Лицо же красавицы из рода Жучжу было столь прекрасно, что могло растопить даже ледяное сердце легендарного древнего героя-женоненавистника У Хая, считавшего всех женщин кожаными бурдюками, полными костей, вонючей слизи и грязи. Глаза Нэнхун сверкали, подобно росе на листьях бессмертного лотоса; на нежных щеках алел прелестный румянец (за что девушка и получила свое имя); высокий гладкий лоб словно только и ждал надписи золотой кистью Небесного Чиновника, отмечающего таким образом, что сия девушка поистине прекрасна и добродетельна. А изящный носик и трепетно очерченные губки красавицы будто составляли известный иероглиф «тэшэнь», имеющий значение «нега», а в сочетании с иероглифом «ун» – «прелестная собеседница». Любезный читатель, вы наверняка пленились обликом восхитительной Нэнхун из рода Жучжу! Но не отвлекайтесь, ибо вам еще предстоит познакомиться со второй красавицей, завоевавшей сердце императора Жоа-дина. Эта девица прибыла из южных краев, ибо принадлежала к старинному роду южных князей-чжэньпеней, имевших особые привилегии и дары от нескольких императорских династий. Девица носила имя Шэси, означавшее «Бутон пиона», родовое же прозвание ее было Цянь. Князья Цянь были состоятельны, надменны, честолюбивы, владели многими зем-

Шэси из рода Циань тоже несомненно являлась красавицей, но красота ее была иного рода, чем красота Нэнхун. Шэси была гибкой и тонкой, как бамбуковая розга, проворной и стремительной, как угорь в ручье, л смуглой, будто долго загорала на солнце, чего, разумеется, не станет делать ни одна здравомыслящая девица из благородной семьи, ибо бледность кожи – отличительный признак девушки высокого сословия. Яркие, выразительные глаза Шэси смотрели на всех внимательно, придирчиво и без приличествующей девице скромности, а алые губы часто кривились в презрительной или высокомерной улыбке. В отличие от прочих девушек, прибывших во дворец в сравнительно скромных одеяниях, Шэси была облачена в роскошные одежды, расшитые драгоценными камнями, жемчугом и золотой нитью. Мало того, у пояса девушка носила меч в ножнах, и, несмотря на все требования евнухов, с мечом она не рассталась, заявив, что этот меч – прощальный напутственный подарок ее отца, а с такими подарками не расстаются.

– Разве ты не знаешь, что к императору не допустят наложницу, носящую оружие? – спрашивали Шэси другие девушки. – Ты не сможешь прийти к владыке Жоа-дину.

– Что ж, – гордо усмехнулась Шэси, – я и не собираюсь сама идти к императору! Это он придет ко мне, едва прослышит о моей красоте!

Ох, сколь надменными иногда бывают девушки! Сколь опрометчивыми в своих словах! Благо, что эти речи гордой Шэси не достигли ушей верховного евнуха по прозвищу Лукавый Кот, иначе он повелел бы бить палками чересчур много возомнившую о себе наложницу, и тогда мало что осталось бы от красоты смуглой Шэси из рода Циань.

Итак, всех наложниц разместили во дворце Восточного "Ветра. Девике Нэнхун достались покои, прозванные Лунным Светом, потому что в полнолуние они более всего освещались луной. А девица Шэси получила роскошные покои под названием Лаковая Шкатулка, потому что все в них: полы, стены, раздвижные перегородки, мебель – было сделано из драгоценного лакового дерева, покрытого тончайшей резьбой и украшенного инкрустацией. Скоро среди наложниц появился обычай называть друг друга по наименованиям своих покоев. И так скромная, робкая и всегда немного печальная Нэнхун стала Лунным Светом, а горделивая Шэси – Лаковой Шкатулкой.

Жизнь наложницы на самом деле лишена пикантных развлечений и легкомысленного времяпровождения, хотя ты мог бы подумать и иное, наш драгоценный читатель. За каждой наложницей строго надзирают приставленные к ней младшие евнухи и ежедневно докладывают главным евнухам о поведении, речах и занятиях девушки. Наложницы вкушают самую простую пищу и не пьют вина, у них нет никаких украшений и одежд, кроме тех, что привезли они с собой из дому. Все, чем позволено заниматься наложнице до тех пор, пока император не обратит на нее взор страсти, – это читать старинные летописи, вышивать панно на религиозные темы и слагать стихи, в которых наложница должна уподоблять себя иссохшей земле, а императора именовать живительным дождем...

Так прошло несколько месяцев с того дня, как наложниц привезли во дворец, но владыка Жоа-дин еще не осчастливил своим посещением ни одну из них. Дело в том, что ему пришлось во главе своей непобедимой армии выступить против многочисленных банд жестокого и кровожадного Горного народа, не желающего подчиняться указам императора. Когда же Горный народ был победоносно разгромлен императорскими войсками, Жоа-дин с великими почестями возвратился в Непревзойденный дворец. И не успел владыка, что назы-

лями и, образно говоря, «Отражали отравленные стрелы от своих дверей». В народе судачили, что свое богатство князя Циань нажили несправедливым путем и когда-нибудь Небесная Канцелярия. Согласно религиозно-философским воззрениям большинства жителей Яшмовой Империи существует так называемая Небесная Канцелярия, в которой служат Небесные Чиновники – Святые, Просветленные и Бессмертные, призванные судить, разбирать и выносить решения по делам простых смертных. В Яшмовой Империи существует даже общенациональный праздник – День Подачи Прошений, когда все верующие идут в храмы и подают специальные свитки прошений, адресуемые в Небесную Канцелярию, дабы в жизни воцарились справедливость и процветание.

вается, омыть чресла и выпить трижды по три чаши сладкого победного вина, как к нему в залу отдохновения ужом вполз верховный евнух по прозвищу Лукавый Кот.

– Чего тебе? – не слишком милостиво осведомился у евнуха император и отставил в сторону чашу с вином.

– О владыка! – кланяясь до земли, заговорил Лукавый Кот. – Да будет прощена мне моя назойливость, но она вызвана лишь желанием усладить взор и слух вашего величества.

– Ты, что ли, презренный червь, станешь услаждать мой взор и слух? – милостиво рассмеялся император и вернул чашу на место. А затем осушил ее до дна.

– О нет! – в притворном страхе всплеснул руками евнух. – Я лишь уполномочен передать вам подношение одной из ваших наложниц...

– Наложницы, – раздумчиво пробормотал император. – Покарай меня Черная Черепаха! За этими военными походами я совсем про них забыл! Ну давай, евнух, показывай, что там у тебя.

Лукавый Кот поклонился, а затем, встав с колен, хлопнул в ладоши. Тут же в зал вошли четверо слуг, несших в руках нечто объемистое. Верховный евнух сделал знак первой паре и сказал:

– Это – для услаждения вашего взора, император! И слуги развернули большое длинное полотно, украшенное дивной вышивкой. Оно аллегорически изображало Яшмовую Империю. В голубых и бирюзовых водах резвился священный Алый Дракон с золотыми усами и Девять Благожелательных Карпов, как известно приносящих богатство и изобилие. Над водами возносилась искусно вышитая башня императорских покоев, окруженная чудными цветами и птицами. А над императорской башней парил в лиловых облаках Небесный Чиновник, держащий в руках свиток с несколькими иероглифами, звучащими так: «Покровительство Неба, мир и процветание великому императору Жоа-дину, владыке Пренебесного Селения!»

Вышитое полотно было так роскошно и красиво, что император Жоа-дин несколько мгновений не мог вымолвить ни слова. И то сказать, в военных походах и жестоких боях сердце его огрубело, он отвык от истинной красоты. Но теперь красота проникла в его душу и понудила глядеть на окружающий мир по-иному. Владыка Жоа-дин неожиданно вздохнул и ощутил в сердце весеннее томление.

– Кто же та искусница, что вышила столь прекрасную картину? – спросил император у Лукавого Кота.

– Я назову вам имя, – льстиво улыбаясь, ответил Лукавый Кот, – но не раньше, чем вы взглянете на второе подношение.

– Хорошо, – усмехнулся император. Весеннее томление в его сердце ощущалось все сильнее.

Вторая пара слуг поставила перед императором небольшой и невысокий пятиугольный лакированный столик. Затем один из слуг водрузил на столик нечто, укрытое легким покрывалом из пестрой кисеи.

– Снимите покрывало, – распорядился владыка Жоа-дин.

Его приказ немедленно исполнили. Глаза императора загорелись поистине детским восторгом: перед ним был великолепно сделанный из дерева, ткани, бумаги и самоцветов миниатюрный сад. В этом саду имелся крохотный зеркальный пруд с перекинутым через него резным мостиком и изящный павильон из бумаги персикового цвета.

– Прелестно! – воскликнул император. – Пожалуй, во всем моем дворце не найдется другого искусника, который смог бы сотворить такую очаровательную игрушку!

– Это еще не все, – сказал Лукавый Кот. – Позвольте вашему недостойному рабу вставить вот этот ключик в маленькую пещерку под игрушечным дворцом.

– Разумеется! – нетерпеливо воскликнул император.

Лукавый Кот взял небольшой, искусно выточенный из нефрита ключ, вставил его в нужное отверстие и повернул. Раздался негромкий щелчок...

– Отойди! – велел евнуху император. – Ты мне весь вид загораживаешь!

Лукавый Кот буквально отскочил от игрушки, чтоб не вызвать владычного раздражения.

А император, почти затаив дыхание смотрел за тем, как в игрушечном дворце распахнулись двери и в игрушечный сад вышла маленькая очаровательная куколка. Откуда-то из недр сада полилась нежная музыка, и кукла принялась танцевать, мелко семена ножками, взмахивая веером и приседая в поклонах.

– Чудеса... – прошептал император. – Какая изумительная игрушка! Лукавый Кот!

– Да, мой повелитель!

– Немедленно назови мне имя той, что прислала мне такие замечательные подарки! Я хочу в ответ показать ей, что император Жоа-дин чужд как равнодушия, так и неблагодарности!

– О государь! Это вышитое панно и игрушечный сад с танцующей куклой прислала вашему величеству наложница Шэси из рода Циань. Она сделала эти скромные подарки собственными руками, недосыпая ночей и трудясь, как милосердная богиня Гаиньинь...

– Наложница Шэси?..

– Да, о государь. Это прекрасная ликом и богатая талантами дева. Эти подарки она прислала, выражая надежду, что ваше величество развлечется, созерцая их, и сердце вашего величества настроится на весенний лад.

– Она оказалась права, – усмехнулся император, любуясь танцующей куклой. – Сколь изящными должны быть пальцы, которые сотворили это! На них стоит полюбоваться, как и на все остальное, впрочем. Готовьте мой паланкин, немедленно! А также слуг с цветами, благовониями, лучшими яствами и сладким вином. Я собираюсь посетить госпожу Шэси.

– О да, государь! – воскликнул Лукавый Кот. – Но... Вы сказали: «госпожу» Шэси?

– Я сказал то, что сказал, – ответил император. – Я возвожу девицу Шэси из рода Циань в ранг драгоценной наложницы⁶, посему впредь все должны именовать ее госпожой.

– Да, государь! – снова воскликнул Лукавый Кот, и теперь в его глазах действительно мелькнуло настоящее кошачье лукавство – то, которое появляется в глазах кошки, когда она принимается играть с пойманной мышью.

Паланкин, слуги и все остальное было немедленно приготовлено. Император облачился в особые одежды, предназначенные для посещения дворца Восточного Ветра, а в покои под названием Лаковая Шкатулка уже мчался слуга, возвечая наложнице Шэси, что с минуты на минуту ее осчастливит своим посещением император.

– Прекрасно! – воскликнула Шэси с гордой улыбкой. – Я добила своего и сделала первый шаг на трудном пути. Всё мне благоприятствует.

Служанки умастили тело Шэси благовониями, надели на красавицу ее лучшие наряды, уложили волосы в изысканную прическу. При этом одна из служанок нечаянно уколола Шэси золотой шпилькой.

– О, простите, госпожа! – испуганно воскликнула она.

– Я запомню это, – ответила Шэси. – А теперь ступайте прочь. Все прочь! Я буду ждать императора.

⁶ При дворе государя Яшмовой Империи традиционно имелся целый штат наложниц, которые делились на несколько рангов: особо драгоценная наложница (таковая должна быть всего одна), драгоценная наложница (не больше двух), ночная подруга (не больше четырех), подруга на чашу вина (не меньше шести), подруга на всякий случай или просто приятная подруга (неограниченное количество). В соответствии со своим рангом и качеством внимания императора наложница получала драгоценности, ткани, слуг, а также право беспрепятственного разгуливания по дворцовому комплексу и вмешательства в дела государственной важности.

Смуглая красавица села у окна и своими изящными пальцами принялась перебирать струны на старинной цитре-чжэн. Шэси играла мелодию «Бутон ожидает росы», и под завершающие аккорды в покои очаровательной наложницы вошел император Жоа-дин.

Шэси немедленно отложила цитру и склонилась перед императором в глубоком поклоне.

– Не прячь своего лица, милая, – сказал ей император, исполняясь весеннего чувства. – Я прибыл к тебе, чтобы узнать, так же ли ты хороша, как твои дары.

Шэси подняла голову и откровенным взглядом посмотрела на императора.

– Я счастлива отдать владыке все, что он пожелает, – сказала она.

В это мгновение красота Шэси из рода Циань была поистине ослепительна.

Весь вечер и всю ночь из покоев Лаковой Шкатулки доносились то веселый смех, то звон золотых чаш, то звуки цитры, то вздохи и стоны, исполненные страсти. Утром один из главных евнухов, держа в руках особый свиток и кисть для письма, вошел в спальню, где почивали, положив друг другу головы на плечи, император и драгоценная наложница.

Евнух деликатно позвонил в колокольчик, висевший у него на поясе.

– Что такое? – просыпаясь, недовольно воскликнул император.

– Простите, владыка, но ваш ничтожный раб пришел сообщить, что согласно правилам дворцового расписания вашему величеству следует покинуть наложницу. Уже утро.

Тут проснулась и Шэси и при этом бросила на евнуха далеко не миролюбивый взгляд.

– О, эти дворцовые правила! – фыркнул император. – Но что поделать! Государственные дела ждут.

– Мои глаза ослепнут от слез, пролитых в разлуке с вами, владыка, – прошептала Шэси.

– Я вернусь, – пообещал император, целуя наложницу в ямочку на подбородке – эта ямочка особенно его пленила. – Я возвел тебя в ранг драгоценной наложницы, мой прелестный цветок. И нынче же вечером жажду снова вдохнуть твоего аромата.

– Простите, владыка, – не унимался евнух. – Но согласно внутреннему распорядку я должен записать...

– Что записать? – рассердился император.

– Осчастливили ли вы наложницу Шэси...

– О, несомненно, – ответил император. – Осчастливил. Несколько раз.

– Бессчетно, – внесла уточнение госпожа Шэси, бросая на императора пылкий взгляд. – И могло ли быть иначе? Ведь государь силен, как тысяча тигров, и неутомим, словно резвящийся дракон.

– Благодарю вас, владыка, – поклонился евнух. – Я так и запишу.

И он, развернув свиток, принялся выписывать в нем иероглифы.

А на пороге уже протирали колени в почтительных поклонах слуги, пришедшие одеть императора и отнести его в главный дворец. С этого дня император Жоа-дин стал регулярно посещать Лаковую Шкатулку и ее прекрасную жительницу, совершенно не отвлекаясь на прочих наложниц. Шэси, носящая ранг драгоценной наложницы, получила немалую власть при дворе и явно оказывала влияние на императора. Ослепленный ее красотой и упоенный страстью император позволял Шэси многое. И первое, что сделала Шэси, – отрубила голову служанке, которая когда-то нечаянно уколола ее шпилькой.

«Не люблю невнимательных и нерадивых», – сказала при этом Шэси.

А еще Шэси как-то вызвала к себе в покои Лукавого Кота и сказала:

– Император никогда не должен узнать о той, что на самом деле прислала ему вышивку и игрушечный сад. Если обман откроется, я пропаду, но и тебе несдобровать.

– Я буду молчать, – заверил наложницу евнух...

Для того чтобы узнать, кто на самом деле прислал дары императору, вам, любезный читатель, придется одолеть следующую главу.

Глава вторая РАСТОРОПНЫЕ ТУФЕЛЬКИ

Только северный дождь
Посещает унылую келью,
Где когда-то пестрели
Цветные мои веера.
И удачи не ждешь,
И не можешь предаться веселью,
И в холодной постели
Слагаешь стихи до утра...
Словно тонкий бамбук,
Я терплю неприветливость стужи.
Под серебряным снегом
Мертвеет и никнет листва...
В сердце тысяча мук,
И никто сердцу больше не нужен.
Только сонное небо
Мои повторяет слова.
Сердце долго горит,
Но когда-то пожар прекратится.
И обуглится всё,
Что когда-то любовно цвело.
Небо мне говорит,
Что не нужно ни плакать, ни биться.
Мотылька не спасет
От огня никакое стекло .

Эти стихи написала на своем бумажном окне наложница Нэнхун, прозванная Лунным Светом. Написала и отерла тихие слезы, слишком часто в последнее время появлявшиеся на ее дивных глазах.

– Может быть, вы хотите чаю, госпожа? – спросила у Нэнхун ее маленькая служанка. – Я немедленно согрею и подам. Или, если угодно, можем заняться плетением или вышивкой.

– Нет, спасибо, милая Юй, – сказала служанке Нэнхун. – Мне ничего не хочется. Сердце мое осыпано снегом, как магнолии в парке Белого Феникса.

– Печаль убьет вас, госпожа! – воскликнула Юй. – Вы и без того похудели и...

– Подурнела? Я подурнела лицом? – испуганно воскликнула Нэнхун. – Скорей подай мне зеркало, девочка!

– Простите, госпожа, я не хотела этого сказать!

– Я не обижусь на тебя! Просто подай зеркало. Юй подала госпоже зеркало из полированной бронзы и украдкой вздохнула. Нэнхун посмотрела на себя и вздохнула тоже.

– Да, я превратилась в настоящую уродину, – грустно сказала она. – Под глазами у меня круги, румянец пропал, и лицо стало как у мертвого оборотня, восставшего из могилы! Потому император и презрел мои дары! Он от кого-то, верно, прослышал, что я некрасива!

Она отшвырнула зеркало и залилась слезами. Юй бросилась утешать девушку:

– Что вы, что вы! Вы очень красивы, моя госпожа! Просто вы слишком предались горю. Совсем не выходите погулять в сад, заперлись в покоях, словно затворница из обители Светлых Дев, и только и делаете, что тоскуете.

– Все это потому, что я влюблена, – прошептала Нэнхун. – И, увы, влюблена безответно. Мое сердце отдано владыке Жоа-дину.

Служанка всплеснула маленькими ручками и недовольно блеснула глазами, похожими на глаза сердитой иволги:

– Как вы можете быть влюблены в того, кого ни разу не видели, госпожа?! Вам до сих пор не доводилось встретить императора! С тех пор как вы оказались во дворце Восточного Ветра, и у вас на глазах, как и у многих наложниц, одни слуги да евнухи, которые только пугают своим мрачным видом!

– Нет, Юй, ты ошибаешься, – смущенно сказала Нэнхун. – Я удостоилась чести лицезреть императора. И после этого мое сердце отравлено безответным чувством.

– Когда же вам удалось увидеть государя?! – ахнула маленькая служанка. – Неужели вы нарушили запрет и тайком пробрались в его покои?

– Нет, что ты, – успокоила служанку Нэнхун. – Я никогда не покидала своих комнат и не ходила дальше беседки в саду.

– Но тогда как же?..

– Мне приснился прекрасный сон, – тихо проговорила Нэнхун. – Во сне я танцевала около чайного павильона в персиковом саду, и вдруг ко мне подошел император Жоа-дин. Он был так красив, что не описать словами. Он сказал, что боги предопределили нам полюбить друг друга, и отныне его сердце будет пленено мной, как мое – им.

– Сон? – удивилась Юй. – Ах, госпожа, не верьте снам! Их часто насылают лукавые духи-оборотни, чтобы смутить сердце и убить человека печалью. Пожалуй, я вывешу над входом в ваши покои выпуклое зеркало-багуа, чтобы оно отражало всё плохое и не пускало зло в дом!

– Милая Юй, ты хоть и моложе, да мудрее меня, – улыбнулась Нэнхун горькой улыбкой. – Ты знаешь, что нельзя верить снам и влюбляться в призраки. Но что мне поделать со своим неразумным сердцем? С тех пор как я увидела тот сон, я не нахожу покоя, ничто не утешает меня, и я мечтаю только о том, как бы владыка Жоа-дин посетил мое скромное жилище.

– Именно потому вы и вышили ему панно в подарок и смастерили тот чудесный игрушечный сад? – проницательно спросила Юй.

– Да. Я надеялась, что привлеку внимание государя этими безделками...

– Безделками?! Да вы над ними ночей не спали!

– Я отдала их надзирающему евнуху, а тот должен был передать мои дары господину Лукавому Коту, чтобы тот в свою очередь преподнес панно и игрушку государю. Но вот прошло уже немало времени, а никто не передал мне от государя даже ответного письма. Видно, ему не понравились мои дары. И теперь я пребываю в тоске и сохну, будто ива у ручья с отравленной водой..

Нэнхун посмотрела в затянутое бумагой окно. Начертанные ею иероглифы выглядели великолепно – словно руку к ним приложил сам бессмертный Учитель Каллиграфии, Небесный Чиновник Лиян.

– Госпожа, – подала голос маленькая Юй. – Я не хотела огорчать вас, но среди дев дворца Восточного Ветра ходят слухи...

– Я не люблю сплетен, ты же знаешь.

– Но, тем не менее, выслушайте. Знаете ли вы, что госпоже Шэси, прозванной Лаковой Шкатулкой, пожалован ранг драгоценной наложницы? Знаете ли, что государь весьма часто посещает ее и прилежно совершает на ее ложе обряды ветра и луны? Говорят также, что

государь весь исполнен к Шэси весенним чувством и позволяет этой наложнице делать все что угодно. Она будто бы даже присутствует на государственных советах, хотя и сидит там, как и положено женщине, за ширмой.

– Что ж, – сказала Нэнхун, бледная, как лист дорогой рисовой бумаги. – Я не стану завидовать избраннице и осуждать выбор государя, – кто я такая, чтоб делать это! Но значит, сон мой оказался обманом, и после этого я не хочу жить. Благодарение небесам, коса у меня достаточно длинна и крепка, чтоб на ней удавиться.

– Да простит вас Небесная Канцелярия за такие ужасные слова! – воскликнула служанка. – Что это вы выдумали – лишать себя жизни во цвете лет! Тем более что вы еще не до конца дослушали мой рассказ.

– Ах, и верно. Говори, милая Юй.

– Я знаю, что сплетни вам неприятны, моя госпожа, но я должна вам сказать, что во дворце Восточного Ветра ни одна наложница не испытывает дружелюбных чувств к Лаковой Шкатулке.

– То есть к госпоже Шэси?

– Да. Потому что госпожа Лаковая Шкатулка слишком заносчива, горда и умеет для каждого найти жестокое слово. Меж тем в ней нет ничего особенного, чтобы так возноситься!

– Юй!..

– Госпожа, поверьте, я сама как-то видела эту Лаковую Шкатулку, когда ее несли в открытом паланкине на прогулку в парк магнолий. Она и в полы халата вам не годится!

– Юй!..

– Смуглая, как рабыня с рисового поля, худющая, глаза злые и холодные, как у снулой рыбы, и вся обвешана драгоценностями, будто правящая императрица. И еще! У нее большие ступни! Верно, ей их не бинтовали; точно какой-нибудь девке из черного рода!

– Юй, перестань так говорить о госпоже Шэси. Во-первых, мне неприятно это слышать, а во-вторых, этот разговор может дойти до чужих ушей, и тогда нам несдобровать.

– А я не боюсь, – сказала маленькая служанка. – Пусть боится тот, кто нечист на руку и темен душой! Знаете ли вы, моя милая госпожа, почему император не прислал вам ответного письма, получив ваши дары?

– Ах, – вздрогнула всем телом Нэнхун. – Говори же!

– Потому что Лаковая Шкатулка, видно, сговорилась с верховным евнухом или подкупила его. И Лукавый Кот, поднося государю вышитое панно и игрушечный садик с танцующей куклой, сказал, что это – дар императору от наложницы Шэси из рода Циань!

– Этого не может быть! – воскликнула Нэнхун. – Так обмануть мое доверие! Так обмануть императора! Но, может быть, это лишь сплетни...

– Это истинная правда, моя госпожа. Все наложницы знают, что Шэси проникла в сердце императора, удивив того искусным рукоделием. Только все уверены, что Шэси действительно создала эти прекрасные вещи, и никто не разоблачит ее. Правду знаем лишь мы да еще Лукавый Кот.

– Но правда не восторжествует, – тихо сказала Нэнхун. – Разве я смогу обличить обманщицу?

– Сможете! – воскликнула Юй. – Сможете, если подадите на имя императора прошение о справедливом суде и вызовете Лаковую Шкатулку на поединок.

– Помилуй тебя Небесный Чиновник! – всплеснула руками Нэнхун. – Какой поединок! Я в доме отца своего не обучалась никаким боевым искусствам.

– А это и не нужно, госпожа, – сказала Юй. – Вашим оружием будет полотно, шелковые нитки, пальцы и вышивальная игла! Вызовите Шэси на состязание в вышивании. И пусть это состязание проходит перед глазами самого императора. Та из вас, что искуснее вышьет точно

такое же панно, какое, было подарено императору, значит, и есть настоящая дарительница. А это будете вы – ведь наверняка госпожа Шэси с ее высокородностью и гордыней отродясь наперстка и иглы в руках не держала! Справедливость должна восторжествовать!

– Справедливость не торжествует в дворцовых покоях, – тихо сказала Нэнхун. – Даже если о ней говорят все время... Если, как ты говоришь, госпоже Шэси много дозволено и она имеет сторонника в лице самого верховного евнуха, то меня убьют, едва я заикнусь о таком состязании.

– Что же тогда нам делать? – воскликнула маленькая служанка, не скрывая своей досады. – Вы истаете от печали и чувства, что с вами несправедливо обошлись! А эта Лаковая Шкатулка будет процветать!

– Значит, так сулила судьба, – сказала Нэнхун. – Возможно, в этой жизни мне придется искупать грех, совершенный мной в прежних рождениях. Оттого я так несчастна.

– Ну, нет, – вскинулась маленькая служанка. – Я не позволю вам быть несчастной.

И глаза ее засветились так, словно в ее гладко причесанную головку пришла очень хорошая мысль.

Не прошло и трех дней после этого разговора, как служанка Юй попросила у своей госпожи разрешения покинуть ее на целые сутки.

– Для чего тебе это? – спросила Нэнхун.

– Видите ли, госпожа, мне нужно отправиться в храм и совершить поминальную службу по моим предкам, да возвеселят они небожителей и да обретут благое перерождение. Поэтому я прошу у вас письмо, в котором вы позволяете мне на сутки покинуть стены дворца и побывать в тэнкинском храме Поклонения Предкам.

– Хорошо, – кивнула Нэнхун. – Почитание предков – великое дело. Только смотри, будь осторожна в городе. Ты ведь непривычна к городской, суете. Впрочем, как и я...

– Не беспокойтесь обо мне, дорогая госпожа, – сказала маленькая Юй. – Со мной все будет благополучно.

Наложница Нэнхун написала особое письмо, позволяющее ее служанке беспрепятственно покинуть дворец, а затем столь же беспрепятственно вернуться обратно, дала девушке ритуальных бумажных денег, чтобы возложить их на жертвенник в храме, а также серебряную заколку в виде взлетающего феникса.

– У меня нет ни одной монетки, чтоб дать тебе с собой, поэтому возьми эту заколку. В городе ты ее продашь или заложишь и сможешь купить все, что тебе необходимо для церемонии поминовения.

Юй трижды поклонилась и покинула покои своей госпожи. Торопливыми шагами она вышла из дворца Восточного Ветра, миновала бамбуковую рощу, павильон Неразлучных Сердец и направилась к тем дворцовым воротам, через которые положено входить и выходить только слугам и низкороджденным. Неподалеку от ворот ее заметил и остановил стражник-младший евнух из бесчисленной свиты драгоценной наложницы Шэси:

– Эй, ты кто такая и куда направляешься? – окрикнул евнух девушку.

Та присела в поклоне (хотя младшему евнуху, да еще и стражнику, можно было и не оказывать такое почтение) и сказала:

– Моя госпожа, наложница Нэнхун из рода князей Жучжу, послала меня в городской храм Поклонения Предкам, ибо мне пришло время совершить положенные обряды. Вот, при мне письмо моей госпожи, а также жертвенные деньги.

Евнух даже не взглянул на сопроводительное письмо, а лишь жадно оглядывал стройную фигурку и миловидное личико юной служанки.

– Я пропущу тебя, так и быть, – сказал он голосом, чересчур хриплым для евнуха. – Но за это ты мне кое-что дашь.

– Моя госпожа бедна, у нас нет ничего, кроме жертвенных денег! – воскликнула Юй.

– Мне не нужны деньги. Я даже сам тебе приплачу, когда ты вернешься из города. Я встречу тебя на этом самом месте, и мы уединимся в заброшенной беседке тут неподалеку. – Говоря это, евнух повел себя в отношении юной служанки не совсем как евнух.

Юй залилась краской. Она еще ни разу не совершала обряда поклонения ветру и луне и была бы не прочь узнать, что на деле означают слова про бойкого красного угря, крадущегося к благоуханной яшмовой пещере. Но не вступать же на путь познания вместе с мерзким евнухом, у которого кривые ноги, дурно пахнет изо рта и все лицо покрыто чирьями!

– Тебе же не положено! – воскликнула она, вырываясь из цепких лап евнуха. – Ты ведь не можешь...

Тот ухмыльнулся:

– Пойдешь со мной в заброшенную беседку, тогда и узнаешь, что я могу и что мне положено.

– Хорошо, – обреченно кивнула Юй. – А сейчас пропусти меня. Я должна успеть в храм к вечернему молению.

– Ступай. – И евнух нежно шлепнул Юй пониже спины.

Нужно ли говорить, с какой прытью побежала юная служанка к воротам, спасаясь от похотливого евнуха! Ее башмачки на деревянной подошве звонко цокали о выложенную каменной плиткой тропинку. Юй была уже недалеко от цели, как путь ей преградило неожиданное препятствие. Точнее, преградил.

Это был хранитель башни дворцовых ворот, старик, страдающий полнотой и одышкой. Он еле держал в руках пику, которой преградил путь молоденькой служанке.

– Куда это ты собралась и кто ты такая? – пропыхтел он.

«Вот незадача!» – подумала Юй и сказала:

– Почтенный хранитель башни, я – Юй, служанка императорской наложницы Нэнхун. Иду в город, в храм Поклонения Предкам, дабы совершить молитвенный обряд...

– А разрешительное письмо у тебя есть? – пропыхтел хранитель.

– Да, вот оно!

– Так-так. – Хранитель прочел письмо и вернул его Юй. – Письмо составлено неверно...

– Как же так?!

– Но я могу не обращать на это внимание и пропустить тебя, если на обратном пути ты кое-что мне дашь.

– С деньгами у меня туго, – пробормотала молоденькая служанка.

– Мне не нужны деньги, – зафыркал толстяк. – Когда ты вернешься, я буду ждать тебя на этом месте и мы пойдем в заброшенную беседку...

– В заброшенную беседку?!

– Да. Уж не глуха ли ты часом? Если ты не согласна, я на тебя донесу за самовольную отлучку, и тебе придется плохо.

– О нет, я согласна, – ответила бедная Юй.

– Тогда поторопись! – И толстый хранитель башни довольно ощутимо вытянул девушку по спине древком копья.

Юй бросилась бежать, бормоча при этом:

– Да что же это такое! Нельзя покинуть стен дворца, не наравшись на похотливцев! Бедная я бедная, что со мною будет? Но на что не пойдешь ради любимой госпожи!

Вот, наконец, и ворота. Но они заперты, а отпереть их может только ключарь. Ключарь – мрачный и неприятный старик, похожий на мертвеца-оборотня, – сидел тут же и читал старинный свиток

«Может, хоть этот не станет приставать», – подумала Юй, потому что вид у ключаря был очень суровый и неприступный.

– Стой! – сказал ключарь девушке. – Кто такая, куда и зачем осмелилась идти?

– Меня зовут Юй, я служанка государевой наложницы Нэнхун. Она разрешила мне отправиться на моление в городской храм Поклонения Предкам, вот сопроводительное письмо...

– Что мне твое письмо! – грубо сказал ключарь. – Я по твоему лицу вижу, что ты воровка. Верно, стащила что-нибудь у госпожи и бежишь продать сводне из веселого квартала или своему городскому любовнику!

– Нет! – воскликнула Юй. – Видит Небесная Канцелярия, я никогда не оскверняла рук воровством! Клянусь именем своих родителей, господин ключарь, что я иду в храм!

– Хочешь, не хочешь, а я должен тебя обыскать, нет ли при тебе ворованных вещей.

– При мне только жертвенные деньги и заколка госпожи, которую она жертвует храму! Об этом написано в письме, прочтите!

– Стану я читать, как же! Лучше обыщу тебя, да и дело с концом! – И ключарь стал грубо шарить в одеждах Юй и тискать ее тело. – Хм, – сказал он через некоторое время, пряча глаза. – Вроде бы ты говоришь правду и ничего ворованного при тебе нет. Но все равно я не верю тебе. Однако так и быть, выпущу тебя в город, но при одном условии...

– Когда я вернусь, вы будете ждать меня на этом же месте, – обреченно пробормотала Юй.

– И мы пойдем с тобой в заброшенную...

– ... беседку. Как скажете, господин ключарь.

– Поверь, ты будешь довольна. А схитришь, обманешь меня, я донесу, что ты воровала вещи из дворца, и тебе отрубят руки, да еще прижгут раны каленым железом.

– Я не обману, господин ключарь.

– Ну ступай. – Старик большим, стариннойковки ключом отпер замок на воротах и толкнул тяжелую створку. – Постой-ка! Я не обыскал тебя еще в одном месте... Впрочем, ладно. Беги, негодница. И поторопись воротиться.

Юй выскочила за ворота так, словно и впрямь что-то украла и теперь торопилась сбыть краденое. Лицо ее пылало от возмущения, руки дрожали, с ресниц срывались слезы. Она бежала вдоль дворцовой стены и думала: «Если уж во дворце, едва я покинула скромные покои госпожи, меня прямо-таки преследуют сластолюбцы, то что же будет в городе?! Ох, опасное я затеяла дело! »

Город, раскинувшийся за пределами дворца, был шумным, пестрым, огромным и многолюдным. Толпы народа двигались туда и сюда; сновали рикши со своими повозками; двигались процессии монахов, держащих в руках священные панно и изваяния Небесных Чиновников; расталкивая чернь, шагали дюжие слуги, несущие роскошные закрытые паланкины... Юй сначала растерялась, а потом поняла, что в такой толпе ей легко затеряться, да и вряд ли кто-нибудь обратит на нее внимание... К тому же одета она скромно, никто не подумает, что эта девушка – из дворцовой челяди.

Юй уже достаточно удалилась от дворца, постоянно спрашивая прохожих, как пройти к храму Небесных Чиновников. О да, совершенно верно, маленькая Юй слукавила, когда говорила своей госпоже, что хочет пойти в храм Поклонения Предкам. На самом деле она твердо решила подать прошение в Небесную Канцелярию о том, чтобы в отношении ее госпожи была проявлена справедливость. Ведь ее прекрасная и несчастная госпожа так страдает, этого невозможно вынести! А всем известно, что если совершить нужный обряд и подать прошение в Небесную Канцелярию, после чего провести ночь молясь в храме, то можно сподобиться видения Небесного Чиновника и получить от него заверение, что дело будет рассмотрено и решено. Но, прежде чем войти в храм Небесных Чиновников, Юй нужно было сделать еще одно важное дело – как велела госпожа, продать серебряную заколку, чтобы на вырученные Деньги купить свечей, благовоний и священных алых шнурков, которыми традиционно украшались изваяния в храме. Юй поглядывалась и заметила нужную лавочку,

в которой торговали украшениями, – не особенно роскошную, да ведь к богатой лавке Юй и не подпустили бы охранники, слишком простецкий был у нее вид... Юй зашагала к лавке, на ходу доставая тряпицу, в которой была завернута серебряная заколка-феникс, как вдруг...

Вихрем мимо нее пронесся некто – и злополучная заколка исчезла из рук, будто ее водой смыло!

– Стой! – завопила перепуганная Юй. – Ах, держите вора!

Но куда там! Воришка затерялся в толпе, а на крик бедной служанки даже и внимания никто не обратил.

Юй разрыдалась:

– Злополучное я существо! Проворонила заколку своей госпожи, с чем теперь приду в храм, как исполню задуманное?!

Плача, она пошла, не разбирая дороги и не замечая, что ее немилосердно толкают. У маленькой служанки разболелась голова, ныли ноги – ведь она не привыкла так много ходить, глаза опухли от слез... И в этот момент кто-то тронул ее за плечо.

Юй обернулась и увидела красивого юношу лет шестнадцати. Его голову, сидящую на шее горделиво, как царедворец, – на породистом скакуне, украшала шапочка с кистью; заколка из золота с нефритом блестела в длинных волосах. Незнакомец был строен как царский кипарис, его фигуру ладно облегал лиловый шелковый халат с вышитыми по подолу облаками и птицами. На ногах у щеголя были чулки из хлопчатой бумаги, наколенники из черной парчи и матерчатые туфли. Халат юноши был подпоясан пурпурным поясом, на концах которого висели яшмовые кольца. Юй зарделась от смущения перед таким красавцем – сразу видно, он не из бедной семьи.

– Чего ревешь? – спросил красавец, насмешливо оглядывая маленькую служанку и поигрывая круглым расписным веером на ручке из красного коралла (ах, такой веер, верно, стоит целое состояние!). – Кто тебя обидел?

Юй, поминутно всхлипывая, поведала своему неожиданному знакомцу все свои недавние горести.

– Значит, ты идешь подать прошение Небесным Чиновникам? – внезапно посерьезнев, спросил юноша.

– Да, господин, – ответила Юй. – Но у меня украли заколку, которую госпожа велела мне продать, и теперь я не знаю, на что купить вещи, положенные для храма...

– Смотри-ка, я и не думал, что у девчонки с таким курносом носом столь серьезные и благочестивые намерения! – насмешливо сказал красавец, внимательно разглядывая Юй. Та смешалась под его взглядом и залилась краской смущения. – Вот что. Я, пожалуй, провожу тебя до храма, а то ты в одиночку покуда дойдешь, и самую голову свою потеряешь. Или у тебя ее украдут, а ты этого и не заметишь. Маленькая дуреха.

– Тысяча благодарностей милостивому господину, – трижды поклонилась Юй красавцу. – Буду молиться и о вас. Назовите мне ваше славное имя...

– Зови меня Алый Пояс, – опять усмехнулся юноша. – А имя мое тебе знать пока ни к чему. Идем.

Алый Пояс пошел впереди, а Юй засеменила следом. Она увидела, как перед ее загадочным проводником толпы снующих туда-сюда людей расступаются, будто трава перед серпом. Юноша ни разу не оглянулся, словно был уверен, что Юй от него не отстанет. Они прошли по Синекаменной улице, миновали Западную площадь, вышли на улицу Праздничных Фонарей⁷, и тут Юй увидела, что в конце этой улицы высится кирпичного цвета башня храма Небесных Чиновников.

⁷ Фонари в Яшмовой Империи считаются символом процветания, радости, богатства и успеха. Без фонарей там не обходится ни одна церемония, праздник или народное гулянье. И, разумеется, в Яшмовой Империи вы не найдете ни одного

– Мы почти пришли, – сказал Алый Пояс, оборачиваясь.

– Да, господин.

– Похоже, ты сильно запыхалась.

– Немного, господин.

– Видно, мало тебе приходится ходить пешком.

– А мне и некуда, господин. Я почти безотлучно нахожусь при своей госпоже.

– Видно, твоя госпожа своенравна.

– Нет, господин, она добра, несчастна и покорна. Мне приходится следить за ней, чтоб она не наложила на себя руки с горя.

– Даже так?

– Да, господин.

Юноша некоторое время помолчал, затем поманил рукой Юй, чтобы та пошла рядом с ним.

– Твоя госпожа красива? – спросил Алый Пояс.

– Да, господин! – горячо воскликнула Юй. – Она хороша, как цветущие персики на горе Бешань, стройна, будто тело ее выточили из благородного нефрита, пальцы ее тонки, как побеги молодого лука, а лицо – лицо феи!

– Можно подумать, ты видела фей, курносая, – усмехнулся Алый Пояс. – Равно как и цветущие персики на горе Бешань. Однако если твоя госпожа так красива, как ты говоришь, то почему же она несчастна?

– Ее сердце гложет безответная любовь...

– О, суетность женщин, – пробормотал юноша. – Что может занимать их, кроме любви? Недород в провинции Хунянь? Нет. Налет саранчи на поля в провинции Цецень? Тоже нет. Голод и нищета в приморских деревнях? Какое там... И сердце, и те немногие мысли, что отпущены женщине, заняты только любовью. Поневоле задумаешься, зачем верховное божество Нейва вылепило из глины такое легкомысленное и никчемное создание, как женщина. А? Что скажешь, курносая служанка?

Юй смутилась:

– Мне непонятны ваши мудрые слова, господин.

– А ты хитрюга, – усмехнулся Алый Пояс. – Впрочем, хитрость – это, похоже, еще одно свойство женщин. Как им без хитрости выжить в этом мире с их круглыми личиками, длинными волосами, маленькими ножками и пустыми головами? Нет, я зря получил назначение на эту должность, но ничего не поделаешь... Ах, вот и храм. Здесь я тебя оставлю. Дальше пойдешь одна.

– Тысяча благодарностей вам, господин Алый Пояс!

– Не за что. Видишь, в храм ведут восемь дверей?

– Да, господин. Это потому, что главных Небесных Чиновников – восемь?

– Смекнула! Так вот, раз ты пришла сюда просить не за себя, а за госпожу, я тебе советую идти в третью справа дверь. Это приемная, тьфу, то есть святилище Небесного Чиновника Аня. Он поможет, верно говорю.

– Господин, – снова расплакалась Юй. – Но у меня вор украл заколку госпожи, а значит, и нет Денег на свечи и благовония...

Алый Пояс с усмешкой хлопнул по плечу маленькую служанку:

– Скажу тебе по секрету, блаженный Ань не нуждается в свечах и благовониях. Так что смело иди.

– Но как же?..

разбитого фонаря. Во-первых, потому что они сделаны из бумаги и шелка, а во-вторых, за порчу фонарей по законам Империи полагается смертная казнь через утопление в болоте. Так что улицу Праздничных Фонарей вы здесь обнаружите, а вот улицу Разбитых – никак...

– Ножками, ножками и побыстрей, а то храм закроют. Брысь, я сказал! И не оборачивайся!

Озадаченная Юй поклонилась красавцу-юноше и заторопилась в святилище Небесного Чиновника Аня. Шла она не оборачиваясь, как и велел ее странный спутник, хотя ее так и подмывало повернуть голову. И если бы она все-таки нарушила приказ Алого Пояса, то обнаружила бы, что тот вдруг стал невидимым, оставив после себя рассеянную в воздухе золотую пыль.

Юй робко вошла в святилище и, дойдя до молитвенной циновки, как положено, опустилась на колени. Огляделась. Стены святилища Небесного Чиновника Аня были затянуты алой камчой и шелком, на ткани золотом сияли большие и малые иероглифы старинного каллиграфического стиля. У стен стояли и распространяли нежное благоухание курильницы из яшмы и хрусталя – одна роскошней другой. Перед золотым жертвенником располагался небольшой столик, инкрустированный перламутром и кораллами. На этот столик Юй положила жертвенные бумажные деньги⁸ и снова склонилась в поклоне, а потом заговорила:

– О великий бессмертный Небесный Чиновник Ань! К твоей справедливости взывает ничтожная смертная Юй из рода Лоу, прозванная Расторопные Туфельки! Я служанка императорской наложницы, госпожи Нэнхун из рода Жучжу. Я пришла просить милости не для себя, а для своей госпожи, которая пострадала из-за людского коварства и происков соперницы – госпожи Шэси...

Долго рассказывала Юй про свою печаль, не заметила, как солнце за воротами храма ушло спать к Западным горам. В святилище стало сумрачно, курильницы остыли, свечи погасли; за стенами стихло жужжание молитвенных колес и стук ритуальных барабанов. Вокруг маленькой служанки была тишина и полумрак, но Юй не замечала этого. Усталость сковала ее тело, отяжелила веки, и, шепча молитвы, маленькая служанка погрузилась в сон. Она не знала, сколько проспала, а потом вскочила как ужаленная от знакомого голоса:

– Это ты, курносая служанка? Никак не утомилась?

Юй встала рядом с молитвенной циновкой и протерла глаза. И снова их зажмурила, потому что все святилище было озарено неземным светом – словно с небес туда проникла радуга. Девушка снова упала на колени и услышала:

– Открой глаза, не бойся. Экая ты трусиха, хотя иногда храбрости тебе у великих воинов не занимать.

Юй открыла глаза и увидела, что возле жертвенника стоит давешний юноша, назвавший себя Алым Поясом. Только сейчас облик его сильно переменился. Лицо юноши сияло, словно свежеснеженный снег, глаза горели, как рубины, оправленные в золото. Волосы красавца отливали чистым серебром, их стягивал обруч, сверкающий драгоценными камнями.

Одежда тоже преобразилась: теперь спутник Юй был облачен в белоснежный халат с вышитыми по нему золотыми драконами о четырех когтях. Приглядевшись, Юй поняла со страхом, что вышитые драконы – живые, разевают пурпурные пасти, хлопают крыльями и готовы сорваться с халата в полет.

– Не бойся, – весело сказал красавец и погладил драконов на халате. – Они у меня смиренные и набрасываются лишь на тех, кто нечист душой.

– Кто вы, господин? – в благоговейном страхе проговорила Юй.

– Экая ты все-таки дуреха, в голове одни шпильки! – засмеялся юноша. – Я и есть Небесный Чиновник Ань. Что ж ты молчишь? Думаешь, обманываю тебя?

⁸ Для тех, кто еще не в курсе: жертвенные бумажные деньги не имеют никакого отношения к обычным купюрам и вообще денежным знакам. В Яшмовой Империи это специальные бумаги с иероглифом «деньги», которые приносятся в храм, чтобы задобрить божество, а также во время похорон сжигаются перед фобом усопшего – чтоб тому жилось богато в загробном мире. Словом, на эти деньги нельзя ничего купить, кроме определенного душевного состояния.

– Нет, – замялась Юй. – Но я представляла, что Небесные Чиновники – почтенные старцы...

– Ну, в общем, да, – слегка смутился юноша и присел на столик с жертвенными деньгами. Столик просвечивался сквозь его фигуру. – Но тут такое дело... Раньше Небесный Чиновник, отвечающий за справедливость, действительно был почтенным старцем. Но его повысили. Перевели на другую должность. Он теперь в Совете Вышних отвечает за благоприятную погоду. А сюда вот меня назначили.

– Ах, вот оно что, – сказала Юй. – А вы как, господин, хорошо ли справляетесь с делами?

– Ну и нахалка ты, – сказал, хохоча, Небесный Чиновник. – Ты мне все больше и больше нравишься. Повезло твоей госпоже, что у нее такая сметливая и острая на язык служанка.

– Простите меня, о небожитель!

– Да ладно. Ты слушай. Я вник в твое дело и решил помочь твоей госпоже. Справедливость восторжествует, а сердце императора обратится к той, что искренне его любит.

– Тысяча благодарностей, о небожитель! Я поспешу с этой вестью к своей любимой госпоже...

– Давай-давай... А ну-ка постой!

Юй замерла у выхода и вдруг поняла, что глаз не может отвести от прекрасного смеющегося юноши.

– Слушаю вас, о небожитель, – склонилась она в поклоне, прижимая ладони к пылающим щекам.

Юноша соскочил со столика и, не касаясь ногами пола, подошел к маленькой служанке.

– Курносая Юй по прозвищу Расторопные Тапочки...

– Туфельки, о небожитель.

– То есть Расторопные Туфельки. Не таишь ли ты что-нибудь в сердце? Не хочешь ли попросить справедливости и для себя? Может быть, кто-то обошелся с тобой несправедливо? Или вынуждает к дурным поступкам?

– Ничего такого, о господин... – пробормотала Юй и вдруг вспомнила: ей ведь предстоит возвращение во дворец! А у ворот ее ждут ключарь, хранитель башни и страж-евнух! И эти трое похотливых мужланов жаждут совершить с ней натуральный блуд!

– Ну-ну, – поторопил Юй Небесный Чиновник.

– Трое служителей во дворце потребовали от меня непристойного, о небожитель, – сказала Юй.

– Как, всего трое?! Ну, тогда нравы во дворце, гляжу, улучшились...

– Мне пришлось пообещать им на обратном пути удовлетворить их желание, иначе они бы не выпустили меня.

– А ты не хочешь?

– Чего?

– Удовлетворять их желание?

– Само собой, о небожитель! – с жаром воскликнула Юй. – С какой стати! Я девушка чистая и честная, мне еще и волос не распускали в любовной прическе, Я еле отвязалась от негодяев и теперь боюсь, что, как вернусь во дворец, они меня просто растерзают.

Юноша посерьезнел:

– Нельзя допустить, чтобы такая курносая красotka досталась наглым блудникам. Но, к сожалению, сам я не смогу проводить тебя во дворец – у меня и без того немало дел. Дай-ка подумать... Вот что! Я дам тебе провожатого.

И Небесный Чиновник Ань пощекотал по спине одного из драконов, вышитых на халате. Дракон игриво изогнулся, встряхнулся, спрыгнул с халата и закружился в воздухе, тяжело взмахивая крыльями. От него во все стороны полетели огнистые искры, словно от

тигра, выходящего из речных вод и отряхивающего свою дивную шкуру. Конечно, был этот дракон не крупнее ласточки, но вид имел самый грозный.

От изумления Юй, похоже, утратила дар речи, наблюдая за драконом. А тот покружился-покружился да и сел на ее плечо.

– Ой, – прошептала Юй.

– Этот дракон – мой верный друг, – сказал Небесный Чиновник Ань. – Кроме тебя, его никто не увидит. Когда ты войдешь с ним за дворцовые ворота, предоставь действовать ему, а сама иди спокойно к своей госпоже – никто тебя не посмеет тронуть и даже окликнуть.

– Благодарю вас, милостивый господин!

– Да, кстати. Насчет заколки-феникса, которую у тебя украли. Ты всегда такая рассеянная или только когда смотришь на меня? Ну что ты хлопаешь глазами? Тронь свои волосы.

Юй потрогала прическу и с изумлением вынула из нее пропавшую заколку-феникса.

– Как такое могло быть, господин? – благоговейно воззрилась она на юношу.

– А, пустяки. Пока ты спала, нашел воришку, забрал у него заколку и надрал ему уши, чтоб не воровал у курносых красавиц. Отдай заколку хозяйке, ей она пригодится. Ну что ты опять на колени падаешь? Хватит, ты меня уже поблагодарила. Ступай, не мешай делами заниматься.

... Юй словно во сне возвращалась во дворец. Очнулась она лишь тогда, когда оказалась у ворот. Служанка взялась за дверное кольцо и постучала.

– Кто там? – высунулся в окошечко старик-ключарь. Сейчас он выглядел мрачнее обычного. Но, увидев Юй, изменился в лице: – А, это ты, воровка. Пришла наконец.

Он отпер ворота и впустил девушку, руки его дрожали от нетерпения.

– Заходи, заходи, сейчас пойдем с тобой в беседку и немножко поиграем в одну игру. Будем метать стрелы в яшмовую вазу.

Юй видела, что старик распалился так, что и водами целой реки не залить. «Что же делать?» – подумала она, и тут случилось удивительное.

Дракончик, сидящий на ее плече,дохнул, и из его Дыхания вышла другая Юй, точь-в-точь маленькая служанка. Новая Юй принялась заигрывать со стариком, хихикала, извивалась, и они поспешили прочь от ворот, оставив настоящую девушку в покое.

– Чудеса, – сказала Юй и тихонько пошла дальше. Дракончик исправно нес свою чудесную службу.

Еще две призрачных Юй отправились развлекать толстяка-хранителя башни и нахального евнуха. А настоящая служанка беспрепятственно вернулась в покои своей госпожи, наложницы Нэнхун. И тут увидела, что драконник слетел с ее плеча, поднялся ввысь и исчез. Юй поклонилась ему вслед, благодаря за помощь.

Она нашла свою госпожу, прекрасную Нэнхун, сидящей в спальне на неприбранной постели. Дивные волосы Нэнхун были не причесаны, лицо подурнело от слез, глаза потускнели. Нэнхун сидела в простом халате, не забинтовав ног, и безучастно смотрела на расписную ширму, где был изображен брачный танец журавлей.

– Милая госпожа, что с вами?! – в испуге воскликнула Юй.

– А, это ты, младшая сестрица, – слабо улыбнулась девушке Нэнхун. – Я, верно, заболела и скоро умру. Голова у меня кружится, тело ослабело, не хочется ни есть, ни пить, хочется лишь плакать. Мне кажется, со слезами из меня ушла вся моя душа...

– О госпожа, прошу вас, приободритесь! – зашептала Юй, обнимая ноги Нэнхун. – У меня прекрасные вести! А вот залог правдивости вестей. – И Юй протянула Нэнхун заколку-феникс. – Узнаете вы эту заколку?

– Да, это моя заколка, здесь гравировка моего имени... Но та была серебряная, а эта золотая. Как это произошло, Юй?

– Я вам все расскажу, – заверила служанка. – Но обещайте мне, что вы перестанете плакать, выпьете чаю и придете в себя!

– Хорошо.

Юй, не опуская ни малейшей подробности, рассказала наложнице Нэнхун о своих приключениях. Рассказ произвел на Нэнхун поистине целительное действие: глаза ее заблестели, на щеках расцвел румянец; она взяла щетку и стала причесывать свои длинные волосы-тучи.

– Значит, у меня есть надежда? – спросила Нэнхун.

– Истинно так, госпожа! – ответила Юй и принялась хлопотать, чтоб ее хозяйка окончательно пришла в хорошее расположение духа.

... А если хотите знать, что было дальше, мой достославный читатель, то прочтите следующую главу.

Глава третья ПОЮЩИЙ ТАЗ

Ах, как приятен в полуночный час
Шум пира средь сияющих террас!
Звон кубков, пенье, смех, веселый гул —
Да кто в них с головою не тонул!
На блюдах халцедоновых лежат
Айва и персик, груши, виноград.
От пирогов, жаркого и приправ
Смягчится даже самый жесткий нрав.
Рекою льется сладкое вино —
В мир грез уводит пьющего оно.
С красоткой здесь жеманится один,
Другой уже забылся сном хмельным..
Здесь бог веселья главный господин,
И каждый на пиру роднится с ним.
И кажется, что полная луна,
Что по небу скользит, сама пьяна.

Мой драгоценнейший читатель, чья любовь к чтению подобна трепетной лани, спешащей утолить свою жажду у горного потока Дэшань! Мы с вами оставим пока наложницу Нэнхун и ее расторопную служанку и обратим свое внимание на императора Жоа-дина.

В тот самый вечер, когда служанка Юй вернулась к госпоже с благими вестями, молодой государь вместе со своей драгоценной наложницей Шэси, многочисленной свитой, певцами и музыкантами предавался безудержному веселью на пиру в честь зацветающих пионов.

Ах, чего на этом пиру только не было!

На нефритовых подносах высились груды редкостных плодов. В бронзовых треножниках курились благовония, услаждали обоняние, возбуждали неимоверный аппетит. Драгоценное вино пенилось в кубках, каждый глоток стоил как целая загородная усадьба. На золотых блюдах подавали жареные потроха павлинов, носорожьё печень, медвежье сердце. Горы разваренного риса, приправленного алым кисло-сладким соусом, так и просились в рот. Изысканные кушанья из шансинского леща, пузанка и карпа, устрицы и угри с сыром угодить могли самому капризному чревоугоднику. Стояли целые короба со сладостями: пирожки, слоеные блины, сладкие пампушки и варенье привлекали дворцовых девиц, как нектар – бабочек...

Император пил вино и заигрывал с Шэси, сидящей по правую руку от него на почетном месте. Придворные льстецы восхваляли богоподобного императора и небесную красоту его наложницы. Верховный евнух Лукавый Кот пригласил на пир актеров, фокусников, чревовещателей и мастеров запускать потешные огни. По наущению евнуха актеры разыграли пьесу о том, как наложница Шэси преподносит императору дорогие дары и за это ее прославляют небожители.

Император с удовольствием смотрел эту пьесу, а потом сказал Шэси:

– Моя драгоценная, ты и впрямь одарила меня счастьем! Я каждый день любуюсь вышитым тобой панно, а игрушечный сад велел поместить в императорскую сокровищницу.

– Вы слишком меня превозносите, мой государь. – Шэси умело потупила очи, скрыв надменный взгляд.

– Я хочу попросить тебя кое о чем, – сказал император.

– Все, что угодно будет государю, – сказала Шэси.

– Я хочу, чтобы ты вышила точно такое же панно в подарок моему побратиму, владыке земель Жумань, императору Хошиди. Через три луны день его рождения.

У Шэси затрепетало сердце, но она ничем не выдала своего волнения. Самым небрежным тоном смуглая красавица спросила:

– О мой владыка, но разве может моя скромная вышивка быть достаточным подарком для императора Хошиди?

– Не беспокойся, – ответил император и пригубил вина. – Своему побратиму я pošлю и золота, и тэнкинского шелка, и драгоценных камней, и породистых скакунов. Даже двух щенков священной императорской собаки подарю я ему.

– Тогда к чему же еще и вышивка? – не сдавалась Шэси, и мы понимаем причину ее упрямства.

– Я хочу, чтоб побратим узнал, сколь искусна моя главная наложница, – ответил император. – Но отчего ты упрямисься? Я вижу недовольство на твоём лице. Не странно ли это?

Шэси впервые за все время своего пребывания во дворце испугалась.

– Ничего подобного, государь! Разумеется, я исполню все, что повелите.

– Отлично! – сказал государь. – А я уж было подумал, что ты вздумала капризничать, мне же весьма неприятны капризули... Выпьем еще вина!

Государь взял чашу, отпил и стал поить Шэси вином из своих уст.

Пир закончился далеко за полночь. Опьяневшего государя слуги на носилках отнесли в его опочивальню, Шэси же, против обыкновения, не отправилась вместе с ним, а велела подать себе паланкин и прибыла в свои покои во дворце Восточного Ветра. И только там она дала выход накопившемуся в ней гневу вперемешку со страхом и яростью. Она без устали пинала, щипала и колотила служанок, пришедших переодеть ее ко сну, рвала им волосы и хлестала по щекам. Служанки же не смели ни вскрикнуть, ни заплакать.

– Мерзавки! Негодницы! – вопила Шэси. – Я растерзать вас готова!

Никто не понимал причин этой жестокости. Наконец, немного успокоившись, Шэси выгнала прочь всех служанок и, рыдая злыми слезами, бросилась на свою роскошную постель. Тут к ее горлу внезапно подкатила тошнота, Шэси свесилась с кровати и извергла из себя все съеденное и выпитое на пиру. При этом все ее тело будто кололи раскаленными иглами.

– Мне худо! – застонала Шэси. – Эй, кто-нибудь! Гуй, Чэнь, где вы? Идите сюда, мерзавки! Ах, меня, верно, отравили!

Вбежали служанки, одни принялись прибираться в комнате, другие хлопотали вокруг столь внезапно разболевшейся Шэси.

– Меня отравили, отравили! – кричала Шэси. – Ах, проклятые завистники! Всех казнь!

Тут одна из служанок предложила послать за императорским лекарем, господином Босюэ. Уж он-то наверняка определит причину недомогания госпожи Шэси.

Лекарь Босюэ прибыл немедленно. Он осмотрел госпожу Шэси, трижды щупал ее пульс, нюхал дыхание и даже не поленился заглянуть в таз с тем, что убрали с пола служанки.

– Меня отравили! – жалобно сказала лекарю Шэси. На лбу у нее бисеринками выступил пот, пудра размазалась и стекала струйками на подбородок.

– Нет, госпожа, поспешу вас успокоить, – ободряюще произнес лекарь Босюэ. – В вашем организме нет и следа яда.

– Но тогда отчего же мне так плохо?!

– Госпожа, судя по вашему состоянию, я должен вас порадовать – вы беременны.

Шэси не верила своим ушам:

– Я беременна?!

– Да, – кивнул лекарь. – Это несомненно. Я определил это по нескольким признакам. Полагаю, что дитя было зачато в прошлую луну в неблагоприятный день, потому ваша беременность будет проходить нелегко. Вам нужен покой, госпожа, здоровая пища и отказ от плотских утех. Было бы неплохо, если бы император позволил вам удалиться на некоторое время в горный монастырь Небесной Чистоты. Там обретете вы гармонию духа и тела, необходимую для здорового развития плода.

– Я ношу ребенка императора, – проговорила Шэси, откидываясь на подушки. – Так-так.

– Вот именно, – значительно поднял палец лекарь Босюэ. – Поэтому вы сейчас еще более драгоценны, госпожа. А от тошноты, которая теперь довольно часто будет мучить вас, я приготовлю вам особый напиток из трав.. Вы будете пить его по утрам натошак и почувствуете себя лучше.

Шэси поблагодарила лекаря, вручив ему несколько серебряных слитков и кусок отличного тэнкинского шелка на халат. Лекарь ушел, при своенравной госпоже остались только верные служанки.

– Что смотрите, дуры? – насмешливо сказала им Шэси. – Сегодня же утром император, едва проснется, узнает радостное известие: я готова подарить ему наследника. Вот это будет подарок так подарок! Он и позабудет о том, что хотел, чтобы я вышивала панно для его побратима. Ах, как это вовремя! Подайте мне сладкой пионовой воды, теперь я буду спать. А вы всю ночь сидите рядом и охраняйте мой сон.

Служанки исполнили приказ наложницы Шэси и бодрствовали у ее ложа всю ночь. Шэси спала беспокойно, металась, ей снились дурные сны...

Император Жоа-дин проснулся за полдень. Вышел из опочивальни в умывальную комнату, где из стены била ключом чистая родниковая вода и изливалась в большой круглый бассейн.

– Подать мне таз для умывания! – велел император. Владыку Пренебесного Селения жестоко мучило похмелье, голова была тяжелой, мысли не совсем связными.

Императору подали золотой таз, наполненный лotosовой водой с различными благовонными эссенциями. И только Жоа-дин окунул в таз руки и принялся умываться, как вдруг таз соскочил с мраморного возвышения, расплескал кругом воду и завертелся на полу волчком.

– Что за оказия? – возмутился император и закричал на слуг: – Вы мне вместо таза подали какого-то оборотня!

Слуги подбежали к тазу, но тут случилось удивительное: едва их руки коснулись кромки таза, как тот отпрыгнул в сторону, будто резвый кролик. Слуги догнали таз, а он опять – прыг! Скачет по всей умывальной комнате, плещет водой, все с ног до головы мокрое. Жоа-дин крепился-крепился, а потом расхохотался: до того смешно было наблюдать, как перепуганные слуги гоняются за скачущим тазом.

– Довольно, довольно! – воскликнул наконец император, вдоволь насмеявшись. – Я сначала думал, что передо мной похмельное видение, но теперь понимаю, что это не так. Почтеннейший таз, своими прыжками ты привлек мое внимание. Так что же тебе нужно?

Таз немедленно остановился, затем поднялся в воздух, завращался и запел мелодичным, но немного фальшивым голоском:

Государь, государь,
Где твоя справедливость?
Та, что служит тебе,

Верно, впала в немилость.
А в покоях своих
Ты приветил лисицу.
Это, мой государь,
Никуда не годится!

– Не пойму, о чем ты бормочешь, почтеннейший таз, – сказал император. – Впрочем, что взять с таза, он не обучен высокому слогу!

Но таз не унимался:

– Я слогу не обучен, да зато чиста во мне вода! А вот тебе грозит беда! Твоя наложница Шэси (о том у всякого спроси) змеи коварней и лисы!

– Не смей хаять мою дорогую подругу! – рассердился государь. – Не то велю разбить тебя молотками на куски и пустить на мелкую монету!

– Да хоть расплавь меня и вылей плавленное золото в свиной ров, – сердито зажуужал таз, – а я все равно должен сказать тебе правду! Ты думаешь, владыка, что наложница Шэси самолично вышила тебе прекрасное панно и смастерила игрушечный садик с пляшущей куклой? Ха-ха-ха, лежковерный! Лживая женщина не способна к рукоделью, так говорят мудрейшие. Эти дары сделала и передала тебе через верховного евнуха одна из твоих наложниц по имени Нэнхун из рода князей Жучжу. Но верховный евнух вступил в сговор с твоей драгоценной наложницей и обстряпал дело так, будто это Шэси приготовила тебе дары, дабы добиться твоего расположения. Обман и в малом обман, верно, государь?

– Верно, – сказал озадаченный император. – Но с какой стати мне доверять словам какого-то таза?

– Поверь хоть тазу, потому что твои приближенные лживы и корыстны! – зазвенела чудесная посуда. – Послушайся моего совета: сегодня же вели подать тебе те вещи, что якобы сделала в подарок Шэси. Прикажи отпороть у панно нижнюю бахрому, а в игрушечном саду коснись бутона лотоса, плавающего в пруду. Тогда, может быть, у тебя откроются глаза и ты поймешь, кто истинно предан тебе всем сердцем, а кто лжет и лишь добивается власти и славы.

Таз замолк.

– Больше ты ничего не скажешь? – спросил посудину Жоа-дин.

Таз молчал. Взмолванный и растерянный император кое-как совершил омовение и облачился в повседневные одежды. Затем, взяв с собой вернейшего из слуг, он прошел в государственную сокровищницу, где хранились злополучные дары панно и игрушечный сад.

В сокровищнице император взял драгоценный кинжал и, приказав расстелить перед собой вышитое панно, собственноручно отпорол у него нижнюю бахрому. И выяснилось, не зря владыка Жоа-дин послушался совета умывального таза! Под бахромой на ткани мелко и аккуратно была вышита следующая надпись: «Сделала императорская наложница Нэнхун в месяц Благоухающего Жасмина с пожеланиями долгих дней и благополучия возлюбленному владыке Яшмовой Империи». Жоа-дин молча нахмурил свои густые, почти сросшиеся над переносицей брови. Приказал подать игрушечный садик. Действительно, на зеркальном прудике крепился пышный бутон лотоса. Император коснулся его своим длинным ногтем, и бутон раскрылся. Тут оказалось, что в бутоне хранился крохотный свиток. Император развернул его и прочел:

«Да умножится радость возлюбленного владыки Жоа-дина! Его верная раба, наложница Нэнхун, сделала этот садик, чтобы позабавить взор господина Пренебесного – Селения».

Император весь обратился в грозу и ярость. Его обманули, провели! Во дворце подняло голову коварство! Да, Шэси прекрасна ликом и телом, искусна в любви, но она добилась благорасположения императора нечестным путем!

– Лицемерная! – пробормотал император. – Клянусь Девятью Небесами, тебе это не сойдет с рук!

Владыка Жоа-дин вышел из сокровищницы и направился в Зал Справедливости, где обычно решал государственные дела. Сел на престол и потребовал:

– Немедля вызвать ко мне верховного евнуха!

Лукавый Кот не замедлил явиться, еще не подозревая, какая буря его ожидает.

– Мой владыка! – поклонился он до земли и услышал:

– Верховный евнух, расскажи мне, как вы с наложницей Шэси обманули своего владыку и нанесли обиду достойнейшей из женщин!

Лукавый Кот едва глянул на императора и все понял. Лицо государя было мрачно, как ущелье Безродных Убийц, глаза горели яростным огнем, а униженные перстнями пальцы сжимались в кулаки. Верховному евнуху показалось, что сам карающий бог грома спустился на землю, дабы наказать его за многочисленные прегрешения.

– Говори! – крикнул император. – И вызвать сюда палача!

– О, сжальтесь, повелитель, я все скажу! – завопил Лукавый Кот, который пуще огня преисподней боялся различных телесных наказаний. Голос верховного евнуха дрожал, как росток бамбука перед ураганом. – Наложница Нэнхун действительно передала мне панно и игрушку, сделанные ее руками, чтобы вручить их в качестве почтительного дара вашему величеству. Но когда об этом узнала госпожа Шэси (а покои госпожи Шэси находятся рядом с покоями наложницы Нэнхун), то уговорила меня обставить дело так, словно эти произведения искусства созданы ее руками.

– Сколько она заплатила тебе за это?! – проревел император голосом, напоминающим грохочущий водопад.

– Сто слитков серебра и пятьдесят – золота, – пробормотал верховный евнух.

– Однако! – воскликнул Жоа-дин. – Дороги же нынче услуги евнуха! Что ж, Лукавый Кот, тебе я тоже отплачу. Ты получишь сто ударов бамбуковыми палками и пятьдесят – железными. Тут вошел палач.

– Бейте его! – приказал император. – А если по исполнению наказания он все еще будет жив, наденьте ему на шею деревянную колоду и посадите в узилище без еды и питья, пока гнев мой не остынет!

– Умоляю о пощаде, владыка! – вопил Лукавый Кот, но государь не внял молениям. Палач с подручными скрутили верховного евнуха и поволокли к месту исполнения наказаний.

– А теперь, – распорядился император, – пошлите за наложницей Шэси. Пусть явится немедленно.

Однако слуга, посланный за госпожой Шэси, спустя некоторое время вернулся и, пав ниц перед престолом, доложил:

– Ваше величество, драгоценная наложница госпожа Шэси занемогла и не может явиться во дворец. Но она просит вас незамедлительно посетить ее покои.

– Что?! – вскричал император, свирепея. – Эта лживая шлюха будет мне указывать, что делать, а что – нет?! Видите ли, нездоровится ей! Послать за ней стражу, и пусть ее волокут пешком до дворца – босую, с незабинтованными ногами!

Худо бы пришлось госпоже Шэси, но, видно, судьба в тот день оказалась на ее стороне. Потому что именно в этот момент придворный лекарь Босюэ попросил у императора аудиенции.

Что такое, в чем дело? – раздраженно поинтересовался Жоа-дин у лекаря, не ответив на его церемонные приветствия. – С какой стати ты явился?

– Прошу меня простить, владыка, – сказал лекарь. – Но сегодня ночью меня вызвали в покои госпожи Шэси. Ей нездоровилось...

– Что еще придумала эта тварь?!

– Простите, владыка. Я осмотрел госпожу Шэси и по многим признакам установил, что она ожидает ребенка.

– Что?! – не поверил ушам своим владыка Жоадин.

– Истинно так, – сказал Босюэ. – Госпожа Шэси беременна. Семя богоподобного владыки принесло плод.

– Да уж, – помолчав, произнес наконец император. – Неожиданная новость, но пришла она очень кстати. Приготовьте мне паланкин. Я отправлюсь к госпоже Шэси.

Слуги слышали, как, садясь в паланкин, император проговорил негромко: «Золотой таз, золотой таз, а что бы ты сказал, обо всем этом? »

... Госпоже Шэси уже доложили, что император с минуты на минуту появится в ее покоях, но умолчали, что Жоа-дин обуян гневом. Драгоценная наложница приказала служанкам одеть ее, причесать и напудрить, но не очень сильно – дабы император видел следы страдания у нее на лице и преисполнился жалости. К горлу Шэси то и дело подкатывала тошнота, она пила кислый сливовый отвар, чтобы ее заглушить, и мысленно награждала злыми словами обретающийся в ее утробе плод, доставляющий столько неприятных ощущений. Но, с другой стороны, Шэси не покидало гордое чувство, ведь она зачала от императора! Законная императрица Тахуа бесплодна, а значит, дитя наложницы может быть объявлено наследником престола, тем более что Шэси не простая наложница, а драгоценная.

– Все к лучшему, – сказала Шэси. – Благодарю Золотую Змею и Серебряного Тигра, своих небесных покровителей.

И в это время пожаловал император Жоа-дин.

Едва он вошел в покои госпожи Шэси, все ее служанки пали ниц, сама же наложница приветствовала императора лишь легким полупоклоном.

– Счастлива лицезреть вас, государь, – сказала она с улыбкой. – У меня есть для вас радостная новость.

– Сегодняшний день для меня полон новостей, – сказал Жоа-дин, и от Шэси не укрылось, что император смотрит на нее хмуро, без какой бы то ни было приязни.

– Что случилось, мой владыка? – воскликнула Шэси. – Отчего ваше чело омрачено печалью, а скулы сведены гневом? Кто посмел вызвать ваше недовольство?

– Ты, – ответил император. – Ни слова, негодная, не смей мне перечить! Я нынче узнал от Лукавого Кота, как вы с ним обманули меня и, кроме того, обидели достойную девушку! Как ты посмела присвоить себе труд чужих рук, выдать дары наложницы Нэнхун за свои собственные?! Я не терплю обмана! Ты заплатишься за это!

– О нет! – пала на колени Шэси. Она прекрасно разыгрывала роль смертельно перепуганной женщины. Из глаз ее потекли слезы. – Позвольте мне все объяснить, государь. Я сделала это из одной любви к вам. Я слышала, как наложница Нэнхун замышляет козни против вас, хочет стать равной самой императрице и потому готовит вам эти злополучные дары. Нэнхун мечтает получить власть над вами и дворцом, править, как когда-то правила легендарная императрица Лао! Я решила, что не бывать этому, и потому упростила Лукавого Кота представить дело так, будто эти дары от меня недостойной. Нэнхун дурна собой, злонравна, властолюбива и заносчива, она принесла бы одни беды вашему величеству!

– Ядовитый язык! – крикнул Жоа-дин своей драгоценной наложнице. – Даже и сейчас ты лжешь, изворачиваешься и клеветешь!

– Видит Небо, это не так! – вскричала Шэси, и тут у нее случился припадок от болей. Император безо всякой жалости смотрел, как она корчится и рыдает на полу.

– Помогите ей, – велел он наконец служанкам. – Приведите в чувство и уложите в постель.

Но Шэси вырвалась из рук служанок и кинулась к императору.

– Я люблю вас всей душой, государь! – кричала она. – И раз вы охладели ко мне из-за того проступка, мне ни к чему жить! Ни к чему жить и ребенку, которого я ношу под сердцем!

С этими словами Шэси, будто молния, метнулась к стоящему в углу ее покоев ларцу и выхватила свой заветный меч. Направила острие себе в живот и крикнула:

– Прощайте, император!

– Остановись! – вскричал Жоа-дин. – Повелеваю тебе остановиться. – Он отобрал у Шэси меч, осмотрел его и сказал: – Как ты посмела хранить в своих покоях оружие?

– Это благословенный прощальный дар моего отца, и тут я не лгу вам, – ответила Шэси. – А если вы думаете, что я могла вас зарубить во сне этим мечом, то плохо же вы знаете мое сердце, император!

– Да, – вздохнул Жоа-дин. – Я и впрямь плохо знаю твое сердце, Шэси. Что ж... Лекарь Босюэ доложил мне, что ты беременна. Надеюсь, этот ребенок – от меня.

– Как вы можете сомневаться в этом, государь?! – снова зарыдала Шэси.

– Перестань плакать, – отрывисто бросил Жоадин. – Это повредит ребенку. А теперь выслушай меня внимательно, Шэси. Я оставляю тебя в ранге драгоценной наложницы и признаю своим ребенка, которого ты родишь. Но больше ты не пробудишь во мне весеннего чувства, ибо я не могу простить обмана, с какой бы целью он ни был совершен.

– О мой возлюбленный! – вскрикнула Шэси.

– Довольно. Я дам тебе слуг, носильщиков, охрану, лекарей, и завтра же ты отправишься в мою загородную резиденцию, что за перевалом Шоушань.

– О нет, – прошептала Шэси. – Быть разлученной с вами... Для меня это смерти подобно!

– И тем не менее, ты сделаешь так, как я велю.

– Да, мой владыка, – склонила голову Шэси.

– В загородной резиденции спокойно и пристойно. Там самое место для женщины в твоём положении. За тобой будут постоянно присматривать и докладывать мне. И не вздумай устроить что-нибудь... этакое.

– Я вас не понимаю, мой владыка.

– Прекрасно понимаешь. Ах, Шэси, Шэси, ты воистину прекрасный цветок с ядовитым ароматом! Ты меня разочаровала.

– А как же дитя, которого я жду? Неужто вы совсем ему не рады?

– Я еще не решил, как к этому отнестись, – сказал император. – Однако от тебя требую, чтобы ты была спокойна и весела и ничем не смела вредить плоду.

– Я не падшая женщина, государь, – с вызовом ответила Шэси. – Я понимаю, каково должно быть мое поведение.

– В таком случае незамедлительно начинай сборы, – сказал император и вышел из покоев своей драгоценной наложницы. При этом он не вернул Шэси меча, которым она хотела заколоться.

После ухода императора Шэси не находила себе места. Ее переполняла ярость пополам со страхом. Лицо первой дворцовой красавицы исказилось злобой и напоминало театральную маску вроде тех, в которых бродячие лицедеи разыгрывают свои представления.

– Неужели все, чего я добивалась, пропало? – вопрошала драгоценная наложница свои опустевшие покои. – Император удаляет меня из дворца, я не смогу властвовать над ним! Этой ли участи я ожидала!

Тут в спальню разъяренной наложницы торопливо вошел евнух – один из приспешников Лукавого Кота.

– Госпожа, берегитесь, судьба повернулась к вам злым ликом, – сказал он, кланяясь. – Как говорили Просветленные, «внезапно наступает это: сгорание, отмирание, отверженность». Господин верховный евнух во всем признался государю, после чего нещадно избит палками и посажен в глиняный колодец без воды и питья.

– Ах! – вздохнула Шэси. – Нестойки мужчины, лишённые своего главного достоинства. Лукавый Кот оказался болтлив, как придорожный нищий, и из-за него мне приходится отправляться в ссылку. Проклятье на его шею и печень! Но моя чаша еще не выпита до дна и светильник не угас. Посмотрим, что скажет государь, когда я рожу ему наследника.

... На следующий день драгоценная наложница Шэси, сопровождаемая двумя сотнями слуг, носильщиков, охранников и прочего рабского отродья, отправилась в загородную резиденцию императора. Во дворце об этом, конечно, знали все до последнего чистильщика рыбы. И маленькая Юй, по прозвищу Расторопные Туфельки, сказала своей госпоже, наложнице Нэнхун:

– Справедливость восторжествовала! Радуйтесь, моя дорогая госпожа! Теперь император обратит на вас исполненный любви и внимания взор. Растаяли снега вашей печали, зацвели персики радости!

– Нет никакой для меня радости в том, что госпожа Шэси подверглась опале, хотя и справедливо, – задумчиво молвила Нэнхун. – Сердце императора непостоянно и вспыльчиво. Это тревожит меня.

– Не думайте об этом, госпожа, – принялась уговаривать служанка Нэнхун. – Лучше откройте сундук, достаньте кусок праздничного шелка, я сошью вам красивое платье, чтоб вы достойно приняли императора.

– А потом во дворце пойдут толки, что я надела яркий наряд потому, что госпожа Шэси отправилась в изгнание. Меня сочтут коварной и радующейся чужим несчастьям. Нет, Юй. Я буду такая, какая есть. И если государь изволит увидеть меня, то пусть видит всё без прикрас. Но боюсь, этого не произойдет. Сердце государя любит пышные цветы и пряные ароматы. Снизойдет ли он до скромного бутона, что едва заметен в густой траве?

– Снизойдет, снизойдет, – уверила госпожу Юй.

... О эти бестолковые служанки, что они понимают!..

Права или нет оказалась Юй, вы узнаете, прочитав следующую главу.

Глава четвертая ОКНО ИЗ БУМАГИ

Душа онемела,
Притворно над горем смеясь.
Веселье фальшиво,
Распутство – противно и скучно.
Но брненное тело
Над нею взяло свою власть
С такою ошибкой
Живущие все неразлучны.
Не тех мы целуем,
Себя отдаем мы не тем,
В угарном движенье
Каких-то ненужных желаний.
Бредем мы вслепую
К забвению и пустоте.
И нет сбережений
В дырявом душевном кармане.

... Земные владыки, хоть и облечены богоподобной властью, превозносимы в исторических одах, почитаемы со страхом и трепетом, все же являются такими же людьми из плоти и крови, как и те простолюдины, что трудятся на рисовых полях или занимаются ловлей омаров. Хотя, говорят, в достославные времена были в Яшмовой Империи государи, схожие статью более с небожителями, чем с простыми смертными. Легендарный древний государь Лао-дин, основатель и великий строитель Яшмовой Империи, как повествуют летописи, имел не две, а четыре руки, ибо бесконечно трудился на благо государства. У другого древнего государя – владыки Лунь-дина – были будто бы в каждом глазу по два зрачка, что свидетельствовало о его величайшей прозорливости и наблюдательности. Ну а император Лима-дин, как опятьтаки повествуют древние манускрипты, был вдвое против остальных мужчин всего мира одарен благословенной нефритовой статью⁹, что, конечно, означало не что иное, как превосходнейшую его плодовитость. Недаром говорят, что в каждом жителе Яшмовой Империи, даже в самом последнем рабе, есть капля императорской крови предивного Лимадина.

Вот какие в древности были государи Яшмовой Империи! Немудрено, что позже им стали воздавать божественные почести. Конечно, древним императорам, возможно, чужды были кипения обычных человеческих страстей, но кто знает...

Что же касается государя Жоа-дина, то он, низложив в своем сердце коварную наложницу Шэси, предался самому грубому разгулу, забросив государственные дела и попирая свой высокий сан. Каждый день он пировал во дворце Восточного Ветра, где разыгрывались представления придворных лицедеев, музыкантов и мастеров пускать потешные огни. Вокруг императора теперь благоухал целый цветник наложниц – тех, которых ранее он не оделял своим бесценным вниманием. Каждую ночь Жоа-дин встречал с новой наложницей

⁹ С именем одаренного нефритовой статью мифического императора Лима-дина связаны некоторые фаллические культы и эротические игры, до сих пор распространенные в Яшмовой Империи. То, что они до сих пор не известны ни в Европе, ни в Америке, ни даже в Африке и Азии, – печальная проблема этих континентов...

и был ненасытен и безжалостен в страсти. Теперь все наложницы получили звания подруг на всякий случай и просто приятных подруг. Их без счета одаряли дорогими украшениями, шелками, парчой, благовонными притираниями, пудрой и всем тем, без чего не представляет себе жизни любая женщина, будь она даже милостивая богиня Гаиньинь.

В беседках и павильонах не переставали звенеть кубки с вином, звучали песни, музыка, смех... На Должность верховного евнуха вместо Лукавого Кота был назначен господин Цисин, и он лез из кожи вон, Дабы император улыбался довольной улыбкой. Однако, как ни ублажали Жоа-дина наложницы, как ни развлекали актеры и потешные огни, улыбался император редко, а на челе его будто заночевала дождевая осенняя туча...

Как ни странно, владыка Жоа-дин до сих пор не посетил наложницу Нэнхун. Само Небо, казалось, располагало к тому, чтобы император сделал этот шаг и восстановил справедливость, но Жоа-дин предпочитал коротать время с остальными подругами, а самое малейшее и невинное упоминание о Нэнхун приводило его в ярость.

Так прошло лето, и наступил месяц Золотого Гинкго. Вечера стали длиннее и холоднее, но во всех павильонах дворцового комплекса пылали жаровни с душистым углем, согревая певиц, танцовщиц и прочих «утешителей сердца императора». А в садах на ветвях деревьев висели и излучали свет тысячи разноцветных фонариков – восхитительное зрелище! Непревзойденный дворец превратился в земной рай, где веселье не кончается, где нет забот и печальных дум.

Однако даже в этом земном раю имелись те, чья жизнь отнюдь не выглядела райской и беспечной. Императрица Тахуа, до которой дошли слухи о том, как наложница Шэси обманула императора и оклеветала несчастную Нэнхун, была весьма возмущена этим происшествием. Вызывало у нее недовольство и то, что государь, отринув подобающую его сану мудрость, предался безрассудному веселью. И вот однажды вечером, когда Жоа-дин в пестрой компании подруг на всякий случай любовался фонарями, сверкающими в поникших кронах магнолий, слуга, поминутно кланяясь, подал хмельному императору письмо.

– От кого бы это? – вслух удивился Жоа-дин, разворачивая свиток. – О! От моей супруги императрицы, да благословят Просветленные остаток ее дней! Забавно! Я уже и забыл, что у меня есть законная супруга! Но прочтем, что она пишет...

Император погрузился в чтение. По мере того как Он читал, лицо его менялось – хмельная беспечность исчезла, чело прояснилось, а в глазах мелькнула грусть.

Мы не станем заглядывать через плечо читающего императора (такое невозможно и помыслить!) и выяснять, что же императрица Тахуа написала своему венценосному супругу. Скажем только одно: письмо оказало на Жоа-дина поистине отрезвляющее действие, как если бы во сне ему явилась в полном составе Небесная Канцелярия¹⁰ и упрекнула за неблаговидное поведение. На следующий день император запретил всякие пиршества, повелел всем подругам рассредоточиться по положенным им комнатам и не высовывать носа даже в сады, не говоря уж о чайных павильонах. Актеров, пускальщиков потешных огней, музыкантов, певиц и танцовщиц прогнали вон из дворца, щедро заплатив. А владыка Жоа-дин удалился в одну из Пяти молитвенных башен для размышления над сутью жизни. С собой он взял лишь старого слугу-евнуха, из пищи повелел подавать ему отварной несоленый рис, соевый творог и сливовый отвар – и никаких жареных уток, голубиных язычков и вина!

В молитвенной башне император провел затворником целый месяц, вкушая скудную постную пищу, размышляя, предаваясь молитвам и чтению священных древних текстов. И на исходе этого месяца императору было видение. Жоа-дин как раз сидел в позе постигающего, нараспев читал священную Книгу Путей и Радостей, когда внезапно одна из стен его

¹⁰ Это было бы весьма внушительное явление! Согласно верованиям жителей Яшмовой Империи Небесная Канцелярия насчитывает тысячи тысяч министров, сановников, чиновников и прочих горних служащих

комнаты стала совершенно прозрачной. Императора осиял небесный свет, а затем Жоа-дин увидел, как с небес к нему верхом на цилине¹¹ спускается юноша необычайной красоты и величия. На юноше был надет халат, расшитый драконами о четырех когтях, подпоясанный алым поясом с яшмовыми кольцами, и туфли из лепестков бессмертного лотоса. Император сразу понял, что перед ним – сам Небесный Чиновник, и повергся ниц.

– Приветствую тебя, о небожитель, несущий просветление! – воскликнул при этом император.

– И тебе здравствовать, земной владыка, полирующий своим седалищем Яшмовый престол! – ответил небесный юноша. – Я, если ты еще не понял, Небесный Чиновник Ань по прозвищу Алый Пояс, Отвечаю за торжество справедливости и законности. Я пришел пенять тебе, император Жоа-дин, за то, что ты перемешал истину с ложью, нарек уродливое прекрасным, усомнился в добре, проклял любовь, поправ красоту. Это совершенно не императорское поведение, как ты сам понимаешь. Исправиться не думаешь? Вразумиться и все такое прочее?

– Я перемешал истину с ложью?!

– Само собой!

– Нарек уродливое прекрасным?!

– Еще как!

– Усомнился в добре?!

– Ничего не попишешь, это так.

– Проклял любовь и поправ красоту?

– А то! Мы всей Небесной Канцелярией наблюдаем за твоим поведением и диву даемся: куда покатится страна с таким-то правителем?

– О горе, горе! Что мне делать? – в отчаянии воскликнул император, – Как все исправить?! Будь я в летах и мудр, как мой благословенный отец, я нашел бы ответ, но я еще молод...

– Молодость – не помеха мудрости, – хмыкнул Небесный Чиновник. – Но если тебе нужен мой совет...

– О да! – пылко воскликнул император Жоа-дин.

– Вот он. Даю совершенно бесплатно, так что можешь не приносить в мой храм благовоний и серебра. Послушай меня, император. Оставь свой подвиг затворничества, пощения и молитвы, этим ты ничего не исправишь. Вот состаришься (если, конечно, тебе дадут состариться), тогда и намолишься и напостишься в досталь. Покинь эту башню, облачись в одежды пурпура и золота – тебе идут эти цвета. И...

– И?

– И один, без свиты, обойди весь свой Непревзойденный дворец. Знаю, это нелегко: дворцовый комплекс твои достославные предки отгрохали такой, что будь здоров! Но ты будь упорен и неутомим, как легендарные властители древности. Ищи покои с окном, затянутым бумагой. А на бумаге той написаны стихи... За тем окном, император, обретешь ты счастье, познаешь гармонию, восстановишь справедливость и просто-напросто всем воздашь по заслугам. Да, только ищи сам эти покои, не посылай слуг, вообще слугам ничего не говори, они все испортят. Если хочешь счастья, иди за ним собственными ногами.

– Как это – собственными ногами? Я император, мне паланкин полагается!

¹¹ Цилинь – священное небесное животное, по сведениям имеющее вместо тела радугу, вместо головы – тучу, глаза у него – звезды, хвост – комета, а лапы – молнии. Цилинь используется в качестве средства передвижения исключительно служащими Небесной Канцелярии, но его также может приручить земная девственница, чей взгляд никогда не осквернялся лицезрением мужчины. Поскольку история до сих пор не знает ни одного прирученного цилиня, это означает, что девственницы глядят куда попало...

– Пфу, – сморщился Небесный Чиновник Ань, словно в нос ему попала мошка. – Жоа-дин, пойми: прежде всего, ты – мужчина, а уж потом император. Вот и поступай по-мужски, если хочешь, чтобы... В общем, если хочешь. Знаешь, как говорили мудрейшие: ты можешь не быть тысяченачальником, но мужем благих намерений ты быть обязан. У меня все. Ищи окно, затянутое бумагой, и, как говорится, обрящешь. А мне пора на заседание выездной комиссии Небесной Канцелярии. Будь здоров, император!

Цилинь сверкнул лапами-молниями, развернулся и вознеся вместе со своим дивным седоком куда-то на небеса, а исчезнувшая стена вернулась на место.

Слегка оторопевший от визита небожителя император некоторое время продолжал сидеть в позе постигающего, затем словно очнулся, встал и вышел из молитвенной башни. На следующее утро владыка Жоа-дин, облаченный в пурпурно-золотые одежды, отправился искать покои, где окно затянуто бумагой. Он полагал, что его поиски быстро увенчаются успехом, но не тут-то было. Император блуждал по дворцовому комплексу целый день, но так и не нашел заветного окна. Однако Жоа-дин, помня слова насмешливого Небесного Чиновника, не сдавался и продолжал поиски еще несколько дней, насмерть пугая тем самым всех слуг, встречавшихся ему на пути и не понимавших, почему великий император ступает по земле ногами, как смертный человек, а не ездит в паланкине.

На исходе пятого дня поисков утомленный император (ноги у него были в кровь стерты туфлями из чистого золота; ничего не поделаешь, дворцовый регламент предписывает носить императору исключительно такие туфли) сел отдохнуть в небольшой беседке, выстроенной возле красивого искусственного озера. Над озерцом был перекинут узорчатый мраморный мостик, отражавшийся в воде закат золотил листья поздних кувшинок. Кругом стояла тишина и умиротворение. Императору показалось, что он погружается в дремоту, но вдруг его уединение нарушил шорох опавшей листвы – кто-то шел к озеру. По легкости шагов император определил, что шла женщина.

Император затаился в беседке. Закат, окрашивающий все в багровые и золотые тона, смешал роскошные одежды владыки Жоа-дина с листвой персиков и гинкго.

Государь не ошибся – это действительно была женщина, точнее, совсем юная девушка с удивительно курносый носом. Девушка была одета как служанка и несла в руках большой медный чайник. Она подошла к берегу озера и зачерпнула воды.

– Говорят, озерная вода, взятая на закате, изгоняет из души печаль, если ее выпить с надеждой. Я заварю на этой воде чаю своей бедной госпоже. Жаль, нет у нас к чаю никаких сластей, да и ужинали мы скудно. Видно, для того, чтобы сытно и сладко есть, надо быть императорской подругой, а моя госпожа пребывает в забвении...

Император побледнел в своей беседке. Он догадался, что курносая девчонка – служанка наложницы Нэнхун. Император ненавидел Нэнхун и понимал, что ненависть эта несправедлива – Нэнхун не хотела ему ничего плохого. Скорее всего, император ненавидел несчастную наложницу потому, что невольно сам оскорбил ее, а всем известно, что человек более всего ненавидит тех, кому причиняет обиду или боль, пусть даже невольно. Но тут в голову Жоа-дину пришла мысль, что он никогда и в глаза не видел наложницы Нэнхун, лишь со слов своей опальной возлюбленной Шэси зная, что Нэнхун уродлива, лжива, коварна и зла.

– Не зря же снизошел до меня Небесный Чиновник, – рассудил император. – Я должен узнать, какова она, эта Нэнхун. Или хотя бы милостиво поблагодарить за те подарки...

И едва курносая служанка заторопилась по тропке в гущу персиковых деревьев, император тихо снял свои золотые туфли и босиком пошел за ней.

Служанка подошла к скромному на вид жилищу, отодвинула бамбуковую дверь и скользнула внутрь. Видимо, она зажгла свечу, потому что император увидел, как изнутри осветилось нежно-золотым светом единственное окно. Затянутое бумагой окно.

И на бумаге чернели иероглифы.

Император коснулся двери – она легко отъехала в сторону – и молча вошел внутрь жилища.

Здесь все было скромно, но опрятно и уютно. В простом каменном очаге дышали жаром багровые угли, на полу постелены чистые циновки, стены оклеены желтой бумагой, на которой весьма талантливая рука вывела древние иероглифы: «любовь», «счастье», «добродетель», «милосердие». Эти иероглифы, как известно, относятся к Высокому Стилю Письма, весьма трудны в написании, и справиться с ними может лишь настоящий мастер, полностью освоивший премудрости искусства каллиграфии.

Деревянная ширма, обтянутая неярким шелком, загораживала вход во внутренние покои. Жоа-дин на миг замер в растерянности. Новое, необычайное чувство возникло в душе императора – ему показалось, что он стоит перед входом в жилище святого или небожителя.

– Куда ты бегала на ночь глядя, Юй? – услышал император слабый, но приятный женский голос.

– Я ходила к озеру, что у Лotosовой беседки, госпожа, набрала воды для чая. А вы совсем не следите за временем и не бережете своих глаз. Если б я не зажгла свечу, вы, верно, так бы и работали в темноте.

– Я к этому привыкла, Юй, а свечи надо беречь, эта у нас последняя. Впереди еще много темных вечеров, от которых не спасут никакие свечи.

– Госпожа, ну куда это годится?! Вот, вы опять плачете! Успокойтесь, молю вас! Сердце разрывается, когда я гляжу на ваши страдания.

– У меня нет никаких страданий, Юй. А если есть, значит, я их заслужила. Женщине положено три вещи: любить, страдать, плакать...

– Кто это сказал, госпожа?

– Я.

– Ах, госпожа, вам бы в сонм мудрецов, а не наложниц! Воистину, после смерти вы воплотитесь в священный цветок лотоса или прямиком в самого божественного дракона!

– Что такое ты болтаешь, милая Юй! Вот глупышка.

– Простите, госпожа, я и впрямь заболталась. Пойду подвешу чайник над очагом и заварю вам душистого чаю.

– Спасибо тебе, милая Юй.

– За что же, госпожа? Это я тысячу раз должна благодарить вас за то, что вы позволяете мне прислуживать вашей милости. Вы не такая, как все остальные. Вы родились на небе, это я точно знаю!

– Болтушка ты этакая!

Император услышал, как обе девушки тихо рассмеялись.

– Ну вот, – удовлетворенно сказала Юй. – Я хоть немножко вас развеселила. Пойду к очагу.

С этими словами она вышла из-за ширмы, неся перед собой чайник, и тут увидела мужчину в золотых с пурпуром одеждах и с босыми, стертыми в кровь ногами.

– Ой, – придушенно пискнула Юй, а глаза у нее из узеньких сделались круглыми, как два абрикоса.

– Не вздумай уронить чайник, – предупредил девчонку император Жоа-дин. – Потому что я тоже хочу чаю из озерной воды.

– Госпожа! – тоненько, как мышка, пискнула Юй и засобиралась пасть ниц вместе с чайником, но император движением руки остановил ее:

– Я тебе что сказал? Иди повесь чайник над огнем. Мы с твоей госпожой будем пить чай.

– Ой, – повторила Юй дрожащим голосом, но повиновалась. Словно заводная кукла, она подошла к очагу и повесила на крюк чайник. А потом все-таки брякнулась на колени перед императором.

– Дуреха курносая, – пробормотал государь.

– Что стряслось, Юй? Ты звала меня? – Из-за ширмы а полутемную, освещенную только огнем очага комнату вышла женщина. Император Жоа-дин так и впился в нее глазами, а потом глухо застонал, потому что сердце его словно облили жидким огнем.

Ибо вошедшая женщина была прекрасна, как может быть прекрасен утренний туман над цветущим сливовым садом, как прекрасен голос одинокой свирели на заросших чайными деревьями склонах горы Цинь, как прекрасен свежавывающий снег, освещенный полной луной... Императору показалось, будто в один миг ему заменили глаза: то, что раньше было недоступно и противно взору, стало драгоценно и желанно. Та, которая стояла перед ним, была словно окружена сиянием – это сияние излучала она сама, и не нужно было с нею других источников света. Лицо ее напоминало серебряную поверхность пруда, в который глядится полная луна. Глаза изумляли чистотой и спокойствием взора; над ними, словно два молодых месяца, изогнулись изящные брови. Губы обещали благоухание нежности, на щеках алел прелестный румянец, которого не скрыть никакой пудрой. Стан, стройный, будто выточенный из нефрита, закутан в простой, но приятный взору халат. На халате вышиты пионы, переплетенные с цветами тотоса, – узор, достойный небожителей. Из-под длинных рукавов видны пальцы, нежные и хрупкие, как ростки весенних цветов. Глядеть на такую красавицу – потерять рассудок, полюбить ее – обрести мудрость тысячелетий, стать человеком, во плоти вошедшим в рай.

– Здравствуй, Нэнхун, – сказал император, не понимая, как ему еще может повиноваться голос.

– Владыка, – прошептала Нэнхун и хотела земно поклониться, но император остановил ее, не в силах оторвать взгляда от прекрасного лица.

– Они все лгали о тебе, – сказал император, не понимая, о чем говорит. Сердце его плакало и смеялось, сгорало в прах и возрождалось из пепла, как священный феникс. – Они клеветали на тебя. Я их всех казню.

– Государь, молю вас не делать этого! – воскликнула Нэнхун. – Я только ваша раба...

– Ты – моя госпожа, – сказал император Жоадин. – По одному твоему слову помилую, по другому – предам смерти.

– Я недостойна такого! – Тут Нэнхун пала на колени и увидела, что император бос, а ноги его стерты в кровь. – О владыка! Вы сбили в кровь ноги!

– А, не обращай внимания, – отмахнулся император. – Это все проклятые золотые туфли. Натирают ужасно, не понимаю, как до меня их носили две династии императоров. Я их бросил где-то у беседки. Пошлем потом твою курносую служанку, она подберет. Ну, встань же с колен, милая моя! Дай мне вдоволь налюбоваться тобой.

И тут зашипел чайник, вода из него переливалась через край.

– Юй, чайник! – вскрикнула Нэнхун. – О, простите нас, государь, что мы, как должно, не подготовились к вашему приходу...

– Это верно, – сказал император. Плотной полой своего драгоценного халата обмотал руку и снял плюющийся кипятком чайник с огня. – Да что возьмешь с твоей курносой служанки, кроме веснушек? Где у вас чашки и заварка? Я сам приготовлю чай. И не спорьте.

Тут Юй, до сих пор пребывавшая в каком-то окаменении, пришла в себя и всплеснула руками:

– Статочное ли это дело, небесный государь! Позвольте мне!

– Милая, твоя служанка мало того, что самая курносая девчонка во всей Яшмовой Империи, так еще и навострилась перечить самому императору.

– Простите ее, простите меня, – сказала Нэнхун и взглянула на государя взглядом, от которого Жоадин почувствовал себя крылатым, как феникс, и могучим, как снежный лев. – Почтительно прошу у вас разрешения омыть вам ноги...

– Нет, это я прошу! – пискнула Юй.

– Оставьте, – отмахнулся император. – Где у вас столик для чая? Я так и буду стоять с чайником в руке?

Юй вскочила, отодвинула в сторону ширму:

– Прошу пожаловать во внутренние покои!

Император, держа в одной руке чайник, а другую Положив на плечо заалевшей от смущения Нэнхун, вошел в покои, бывшие одновременно и спальней, и чайной комнатой, и кабинетом для упражнений в рукоделиях (император увидел на круглом столике свечу и разложенный кусок тафты с начатой вышивкой). Кровать была задернута пологом из серого шелка, на чайном столике облупился лак, но все было опрятно и изящно.

Юй подала чашки, блюдце для заварки... Император сам растер плитку чая, понюхал при этом щепотку, сморщил нос:

– Какой чай вы пьете? Обычный?! Разве верховный евнух не снабжает вас всем самым лучшим?

Нэнхун промолчала; глядя на нее, промолчала и служанка.

– Что я спрашиваю... – пробормотал император и приготовил чай. Сел, усадил рядом Нэнхун, беспрестанно ею любясь, – Хочешь, я пошлю твою служанку за дворцовым распорядителем, и он немедленно устроит здесь все для настоящего пира? По дивным твоим глазам вижу, что нет. И мне это не по душе. Я хочу вкусить того, что вкушала ты, узнать, как ты жила, как страдала. Я хочу сделать для тебя все. Луна станет твоим зеркалом, а солнце – подносом для сладостей!

– Не нужно, мой император, – робко улыбаясь, сказала Нэнхун. – Я ничего не стою...

– Воздух тоже ничего не стоит, но как прожить без воздуха? – пылко сказал император. От близости нежного тела Нэнхун у него кружилась голова, как у юноши, ни разу не познавшего любви. – Я буду Дышать только тобой, Нэнхун.

Они допили терпкий чай и отослали Юй искать золотые императорские туфли у Лотосовой беседки.

Только цапли, вышитые на сером шелковом пологе, видели, как император Жоадин погружался в пучину неизведанного блаженства и как алел румянец на щеках, плечах и груди Нэнхун – румянец от поцелуев, что изливались на нее, подобно весеннему ливню.

Так минула ночь, за бумажным окном засияло свежее осеннее утро. Император проснулся и долго любовался женщиной, что спала с ним рядом. Теперь, при свете утра, она виделась ему еще прекрасней. Но это была не высокомерная красота и не смазливость, рождающая одну лишь похоть; прелесть Нэнхун проникала в самую душу, преображала сердце, уча его любить, жалеть и преклоняться. Жоадин увидел, что его возлюбленная много плакала и жила печалью, и мысленно поклялся, что отныне никакая скорбь не коснется этого драгоценного лица.

Нэнхун открыла глаза и посмотрела на императора.

– Я видела сон, – прошептала она. – Вы и я – мы стали птицами. Бессмертными фениксами с крыльями пурпурными, как лепестки пламени. Мы парили выше горных вершин, выше облаков, среди бесконечного сияния и красоты...

– Это благой сон, возлюбленная моя, – сказал император, целуя Нэнхун. – Он предвещает счастливые изменения в нашей жизни. Я выстрою для тебя дворец, где стены будут из нефрита и яшмы, полы там устелют мягкими коврами из далекой жаркой страны Хургистан, чтобы твои; прелестные ножки не знали неудобства. Там будут драгоценные вазы и безде-

лушки из золота и серебра – пусть они вызывают улыбку на нежных твоих устах. А наше ложе будет ароматно и укромно, как сердцевина лотоса... Я превращу твою жизнь в рай.

– Рай – там, где вы, – сказала Нэнхун. – Зачем мне дворец, разве здесь я мало любила вас?..

– Любовь надо вознаграждать, – прошептал император, скользя губами по шелковистой коже возлюбленной.

– Любовь нуждается в любви, а не в награде, ответила Нэнхун.

Жоа-дин стиснул Нэнхун так, что она сладко застонала, и спросил, улыбаясь:

– Как ты смеешь возражать своему императору?! Ну, берегись!

... Рассвет давно уже сменился полднем, а маленькая Юй все бродила у Лotosовой беседки, держа в руках золотые императорские туфли.

– Эй, курносая! – услышала вдруг она.

Юй обернулась к озеру и увидела, что на перилах мраморного мостика сидит прекрасный юноша, в котором она признала Небесного Чиновника Аня. Чиновник-небожитель приветливо помахал девушке рукой с раскрытым веером:

– Что, удивилась?

– О, бессмертный! – прошептала Юй. – Как вы здесь оказались?

– За любопытство я прищемлю тебе твой курносый нос, – рассмеялся Небесный Чиновник Ань. – Давай иди сюда, присаживайся рядом. Что глядишь? Иди прямо по воде, не бойся, не утонешь, обещаю.

– Я боюсь!

– Глупости. Если б ты была трусиха, я с тобой и разговаривать-то не стал. Больно надо глядеть на такой курносый нос. Быстро сюда, я сказал!

Юй ступила на воду и впрямь пошла по ней, как по крепкому полу. Когда она добралась до мостика, Небесный Чиновник протянул ей руку и легко поднял. Усадил рядом с собой. Посмотрел насмешливыми глазами. Юй не отвела взгляда и только теперь заметила, что зрачки Небесного Чиновника золотые и сверкающие, словно два маленьких солнца.

– Ну как, – спросил Небесный Чиновник. – Исполнил я твои молитвы?

– Сегодня ночью император посетил мою госпожу, – таинственно прошептала Юй.

– Для меня это не тайна, – усмехнулся Небесный Чиновник. – Ох и пришлось же мне потрудиться!

Этот император – самый твердолобый и непонятливый из всех императоров, какие передо мной проходили за две тысячи лет! Я с ним и через таз для умывания говорил, и в видениях являлся, а до него все никак не доходило, какая женщина ему действительно нужна. Теперь, надеюсь, дошло.

– Ваши слова слишком премудры для меня, о небесный, – смутилась Юй.

– Аи, не притворяйся, все ты прекрасно понимаешь, курносая красавица, – ухмыльнулся Небесный Чиновник. – Ладно, все счастливы и довольны, так что мне пора.

– Уже уходите? – вздохнула Юй. Сидеть рядом с небожителем было хоть и страшно-вато, но очень приятно.

– Я иногда буду навещать... всех вас. Мало ли что может случиться. У вас, у смертных, счастье – это такое непостоянное дело! Вчера ходил счастливый, а сегодня проснулся несчастней всех живущих... Ладно. Не скучай, курносая!

И не успела Юй опомниться, как Небесный Чиновник крепко поцеловал ее в губы. А потом, взмахнув веером, вознесся на небо.

Юй немного посидела на перилах мостика, повздыхала... И понесла золотые императорские туфли их хозяину. Но мысли ее теперь были где-то далеко на небе. Вероятно, там, где пребывал и Небесный Чиновник Ань.

... А о том, что случилось дальше с нашими героями, вы узнаете из следующей главы¹²

¹² Вы уже заметили, что каждая глава этой книги заканчивается подобной фразой. Это делается не с целью доведения читателя до нервного срыва, а в силу древней литературной традиции Яшмовой Империи. Там тоже все главы во всех книгах заканчиваются этой коронной фразой. А следование традициям – основа литературного творчества. Во всяком случае, у нас, в Яшмовой...

Глава пятая ПЕРЕСТУК КОЛЕС

Гремят колеса, подымая пыль.
К закату всё стремится от восхода.
Любовной страсти угасает пыл,
И солнце всё тусклее год от года.
Ветшают величавые дворцы,
И новые им строятся на смену...
Смиренные, равно и гордецы —
Все предались гниению и тлену.
У времени не выпросишь: «Постой! »,
Его возок гремит не уставая...
И жизнь тебе покажется пустой,
Коль жил ты, ликом к небу не вставая.
Струится прах на северном ветру,
Гремят колеса, цокают копыта...
Под этот перестук уходит друг,
Когда-то незаслуженно забытый.

... Словно повозка по горной тропе, катились год за годом. Будто стрижи в небе, мелькали дни и месяцы. Слышался только свист крыльев да перестук колес – такими звуками напоминает о себе быстро бегущее время.

Прошло двенадцать лет с той ночи, когда император Жоа-дин пообещал прекрасной Нэнхун выстроить для нее дворец, равных которому нет на земле. Дворец действительно был выстроен и назван Дворцом Побеждающей Нежности. В нем и жила теперь Нэнхун, ставшая самым драгоценным сокровищем императора. Она носила титул единственной особо драгоценной наложницы, в услужении у нее были сотни слуг, пожелай она – ей принесли бы снега с Дальних гор или гнездо с птенцами священного феникса. Но Нэнхун, вознесясь высоко, осталась прежней: ее скромность, милосердие и целомудрие не осквернились прикосновением к роскоши и вседозволенности. И за это император еще больше любил ее.

Юй по прозвищу Расторопные Туфельки по-прежнему оставалась не только служанкой, но и наперсницей госпожи Нэнхун. Служанкам такого высокого ранга позволяется выйти замуж за какого-нибудь дворцового челядинца, но Юй отказывалась от замужества, предпочитая всю свою жизнь отдавать служению госпоже. Впрочем, у курносой Юй (к слову сказать, за прошедшие годы она выросла в настоящую красавицу) могли быть и другие причины отказываться от брака со смертным человеком.

Любовь к Нэнхун сделала сердце императора сильным и мудрым. Жоа-дин правил как истинный Просветленный: он не вмешивался в процветание своей страны, и потому страна процветала. Он не помогал всходам расти¹³, и оттого плоды его земли были изобильны. В деревнях и провинциях не было голода, а значит, не было бунтов. Правителями уездов и городов назначались люди неподкупные и справедливые; слово «взятка» исчезло из лексикона. Судьи судили по закону, чиновники знали свое место и не просили от жизни при-

¹³ Одна из притч Яшмовой Империи повествует о глупом крестьянине, который, желая, чтобы всходы на его поле поскорее росли, принялся их вытягивать из земли. На это дело он убил целый день, пришел домой и сказал: «Ох, умаялся я! Весь день помогал всходам расти». На следующий день он вышел на поле, а всходы уже засохли. Мораль ясна?

вилегий, процветали благородные искусства, наука, благочестие. Не было войн, поскольку Яшмовая Империя установила со всеми своими соседями добросердечную дружбу. Словом, жизнь Яшмовой Империи была такова, что радовала смертных и восхищала небожителей. А причиной такой жизни стала неугасимая любовь императора к госпоже Нэнхун.

Вы, бесценный читатель, скажете недоверчиво, что такого не бывает? Что любовь не влияет на политику, не спасает от войны, не изменяет мира? Простите, умудреннейший и опытейший читатель, но вы заблуждаетесь. Любовью этот мир только и держится – исключительно настоящей, не придуманной любовью. А не будь ее... Но – простите. Кисть забрела не туда, вывела не те иероглифы. Приструню ее и вернусь к нашему повествованию.

Император Жоа-дин в первый же год жизни с госпожой Нэнхун повелел распустить весь цветник своих наложниц. Каждая из бывших подруг императора была наделена богатым приданым и отдана замуж в родовитую семью. Родовитые семьи, кстати, почитали за честь то, что их сыновья женились на «женщинах из дворца».

И еще. Ни в одиночестве, ни тем более в присутствии госпожи Нэнхун император Жоа-дин не вспоминал об опальной наложнице Шэси, заточенной в загородной резиденции. Он также запретил придворным сообщать какие-либо новости о ней – не потому, что император не мог простить обмана, а потому, что не желал, чтобы этот обман снова сплел липкую паучью сеть вокруг его души.

Катились годы-повозки, мелькали дни, как опавшие листья, и в один из таких дней госпожу Нэнхун пригласили на чаепитие к императрице Тахуа, в Персиковый дворец. Это было уже далеко не первое Приглашение, поскольку государыня за прошедшие годы крепко сдружилась с Нэнхун; мало того, она официально объявила наложницу своей младшей сестрой. Императрица Тахуа жила благочестиво, почти по-монашески, отринув все земное; Нэнхун же, хоть и была наложницей императора, хранила чистоту духа и помыслов, за что и пришлась по душе государыне.

Итак, госпожа Нэнхун получила приглашение и отправилась в Персиковый дворец на чаепитие к императрице. С собой у нее были подарки – собственноручно вышитые домашние туфли для государыни и короб самых изысканных лакомств, приготовленных лучшим дворцовым поваром.

Императрица ожидала гостью в теплом чайном павильоне. Была середина снежной и холодной зимы, но внутри павильона, казалось, навсегда осталась весна.

– Приветствую великую императрицу! – сказала Нэнхун, едва вошла в чайную залу.

– Здравствуй, сестрица, – улыбнулась государыня. – Проходи, садись рядом, грейся. Сегодня, верно, очень морозный день?

– Да, государыня, и дует ледяной ветер с Западных гор. К ночи, наверное, будет сильный снегопад. Не угодно ли вам полюбоваться снегопадом?

– Ах, сестрица, – вздохнула владычица Тахуа, и тут Нэнхун заметила, что государыня выглядит бледной, усталой и изможденной. – Боюсь, я уже не смогу любоваться снегом. Послушай меня. Я давно и неизлечимо больна.

– Как?! – пораженная, воскликнула Нэнхун. – И государь не знает? Давно ли вы заболели, владычица?

– Еще на прошлый Праздник Дракона я почувствовала недомогание, – ответила Тахуа. – Я тогда испытывала такую сильную боль, что решилась поступиться своими заповедями и пригласить лекаря Босюэ, чтобы он осмотрел меня.

– И что же? – В глазах Нэнхун стояли непритворные слезы. Она любила добродетельную и смиренную императрицу, почитая ее как небожительницу, сошедшую с небес на землю.

– Лекарь осмотрел меня и сказал, что в моей печени скопилась черная эманация и породила опухоль, которая со временем так разрастется, что ускорит мою кончину. Лекарь сказал,

что вылечить меня невозможно, таких лекарств нет в целом мире. Он может лишь давать мне особые составы, утишающие боль...

– О боги! – воскликнула Нэнхун. – Я не могу в это поверить! За какие провинности вам Небо ниспослало такую ужасную болезнь, государыня? А может быть, лекарь Босюэ ошибся с определением вашей болезни?

– Нет, он не ошибся, – сказала императрица. – Он предупредил меня, что в середине нынешней зимы мне следует ожидать смерти. Я подготовилась и уже не страшусь. Сегодня ночью я видела сон: к моим покоям подошли облаченные в белые одежды слуги с паланкином, а за ними следовали служители храма Небесных Чиновников. Я умираю, милая Нэнхун, младшая сестрица.

– О нет, нет! – заплакала Нэнхун. – Почему вы не сказали о болезни государю? Он пригласил бы других лекарей, и тогда...

– В этом не было никакой необходимости, – спокойно сказала императрица. – Я не смогла принести государю наследника – мне ли омрачать его жизнь еще и своей болезнью? Нет. Небо научило меня принимать судьбу такой, как она есть, ибо тот, кто над нами, всегда прав и мудр.

– И спокоен¹⁴, – добавила, рыдая, Нэнхун.

– Да, и спокоен, – кивнула императрица. – А потому и нам подобает спокойствие, милая сестра. Однако я пригласила тебя сюда не за тем, чтобы рассказывать о своей болезни. Погоди немного... Я слышу, как звенят бубенцы императорского паланкина.

Государыня не ошиблась – к ней прибыл император Жоа-дин. Через несколько минут он уже входил в чайный павильон. Тахуа и Нэнхун встали и склонились в поклоне перед императором.

– Вы и впрямь как две сестры, – улыбнулся жене и наложнице император. – Но где же ваш чай? И... что случилось? Государыня, ты бледна. Нэнхун, ты плакала. Объясните.

– Великий государь и супруг мой! – заговорила Тахуа. – Я благодарю вас за то, что вы приняли мое приглашение и посетили меня. Я должна сообщить вам нечто важное. Я неизлечимо больна и умру в самое ближайшее время. Скорее всего, нынче ночью.

– Небесная Канцелярия! – воскликнул император. – Но почему ты не говорила о болезни раньше...

– В том нет нужды, мой государь. Меня бы это не исцелило, а вас лишь расстроило бы. Но сейчас я хочу говорить не о том. Я пригласила вас, мой государь и супруг, и мою нареченную сестру госпожу Нэнхун для того, чтобы обратиться к вам с просьбой. Единственной. Предсмертной. Просьбой.

– В чем бы она ни заключалась, я выполню ее, сказал Жоа-дин. – Слово императора династии Тэн.

– Я клянусь, что исполню вашу просьбу, старшая сестра, – опустившись на колени перед императрицей, сказала Нэнхун. Слезы катились по ее щекам.

– Когда я умру, – спокойно сказала императрица Тахуа, – совершите надо мной положенные погребальные обряды и прах мой предайте земле у подножия священной горы Шицинь. А когда пройдет положенный месяц траура, государь, облачитесь в лиловые одежды¹⁵ и сожгите дощечку с моим именем¹⁶.

¹⁴ «Тот, кто над нами, всегда спокоен, прав и мудр» – основной тезис религиозно-философских воззрений жителей Яшмовой Империи. Также тут присутствует игра слов: иероглифы, составляющие данное изречение, при перемене места означают качества верховного божества – «Всеведущий и всемогущий».

¹⁵ В Яшмовой Империи цвет траура – белый. Одежды лилового цвета означают переход от траура к обычной жизни.

¹⁶ В Яшмовой Империи в храмах или домашних алтарях на время траура ставили особую дощечку с именем покойного, перед которой приносили жертвы и молились. По истечении срока траура дощечку сжигали с особыми молитвами к умершему, надеясь, что он достиг Просветления и стал божеством.

А после того, государь, сделайте госпожу Нэнхун вашей законной женой и императрицей, ибо она достойна этого высокого сана. Вот и вся моя просьба.

– Я исполню ее, государыня моя и супруга, – сказал император Жоа-дин.

А Нэнхун плакала не переставая и говорила:

– Разве я могу? Я ничтожество, и мне ли занимать место императрицы! О, как жестоко!

– Не плачь, сестрица. – Тахуа обняла наложницу. – Ты ведь обещала исполнить мою просьбу, какой бы она ни была?

– Да... Но разве я достойна?!

– Ты достойнее многих, – сказала Тахуа.

– Государыня, меня страшит это! К тому же, – голос Нэнхун упал до шепота, – государь посещает меня едва ли не каждую ночь, но я за все эти годы ни разу не зачала. Как можно жениться владыке Пренебесного Селения на бесплодной?

– Моя душа будет молиться о тебе, сестра, – сказала императрица Тахуа. – И я верю, что ты подаришь государю дитя, которое станет небожителем на земле. Доверься и исполни мою волю.

– Я повинуюсь вам, государыня, – сказала Нэнхун.

Императрица Тахуа достала из рукава своего халата длинный платок из тончайшего батиста и собственной рукой отерла слезы Нэнхун.

– А теперь, – с улыбкой сказала она, делая знак служанкам, – давайте отведаем чаю и не будем смотреть в заснеженные окна.

Служанки подали ароматный чай, сласти и лакомства, императрица Тахуа потчевала государя и Нэнхун как ни в чем не бывало. За чаепитием они беседовали о возвышенных вещах, цитировали поэтов и древних мудрецов и просидели так несколько часов кряду... Затем императрица Тахуа попрощалась с мужем и госпожой Нэнхун и попросила прислать к ней священнослужителя из храма Пяти башен.

Ночью же действительно повалил с неба густой, обильный снег. Нэнхун не спала и все смотрела в окно на белеющие под снегом узорные стены Персикового дворца. Было тихо, но чуткое ухо Нэнхун вдруг уловило странный звук, напоминавший легкий перестук колес катящейся повозки... И Нэнхун поняла, что императрица Тахуа умерла.

Владыка Жоа-дин повелел устроить похороны государыни особенно пышные. Из дальних храмов и высокогорных монастырей в Непревзойденный дворец были приглашены священнослужители, монахи и древние отшельники – дабы беспрестанно возносить молитвы Просветленным, чтобы душа добродетельной императрицы была избавлена от мук перерождений и сподобилась участи небожителей. В Пяти молитвенных башнях читались священные каноны и исполнялись ритуальные танцы – по старинным поверьям, такими танцами от души усопшего отгоняются злые духи. Погребальная процессия, которую возглавлял сам император и госпожа Нэнхун, двигалась почти через всю страну – к священной горе Шицинь. У подножия святой горы, под нескончаемые песнопения и молитвы, прах императрицы Тахуа был предан земле. После похорон император с госпожой

Нэнхун и частью свиты некоторое время еще оставался на горе Шицинь – в монастыре Великого Постижения. Монастырь этот был женский, но устав его был суровым и не потакал никаким женским слабостям. Настоятельница монастыря, блаженная мать Чуан, как говорили, родословную свою вела от одной из древних императорских династий, но в монастыре она отринула свое высокое происхождение и посвятила жизнь Постижению Пути. Монахини скудно питались и бедно одевались, не принимали ни даров, ни пожертвований, своими руками делали все работы в монастыре и при этом постоянно пребывали в мысленной молитве. В обители Великого Постижения император впервые за всю свою жизнь увидел женщин, чья красота заключена лишь в сердце.

Владыка Жоа-дин и наложница Нэнхун удостоились несколько раз беседовать с блаженной матерью Чуан. Ей было уже за сто десять лет, но взгляд ее сиял умом и пронизательностью, речь текла плавно и рассудительно, а тело выдерживало любые тяготы и лишения. О чем император беседовал с великой настоятельницей, нам неизвестно, но зато нам известен разговор между блаженной матерью Чуан и госпожой Нэнхун.

Госпожа Нэнхун никак не могла успокоиться после кончины императрицы Тахуа. Скорбь по ушедшей и страх перед грядущим разрывали ее сердце, словно железные когти. Сидя в отведенной ей гостевой келье, она беспрестанно плакала и молилась. Однажды вечером, когда в монастыре свершились положенные службы, дверь в келью Нэнхун тихо отворилась. Нэнхун испуганно поднялась с молитвенной циновки – навстречу ей шла настоятельница Чуан. Нэнхун склонилась перед ней до земли:

– Прошу ваших молитв, блаженная мать!

Настоятельница взяла ее за руку и сказала:

– Идем со мной.

Госпожа Нэнхун повиновалась.

Она вышла вслед за настоятельницей Чуан западными воротами монастыря. Сразу за этими воротами начиналось ущелье, на дне которого глухо гремела горная река. Ущелье выглядело так мрачно и жутко, раскаты реки напоминали стоны раненых на поле битвы, и госпожу Нэнхун взяла оторопь.

– Спустимся вниз, к реке, – сказала настоятельница.

– Но здесь обрыв, нет никаких ступеней, – пробормотала Нэнхун. – Это невозможно!

– Для того, кто посвятил себя Постижению Пути, нет невозможного, – ответила мать Чуан.

– Но я не совершенна, как вы. Для чего мне спускаться в это ужасное место?

– Страх живет во всем твоем существе, дитя. Мы должны изгнать страх и поселить надежду. Только так ты сможешь выдержать все, что предстоит тебе в будущем. Остальное я скажу тебе, когда мы спустимся. Иди за мной и с каждым шагом возноси молитву к Небесам.

Настоятельница шагнула прямо в пустоту, не отпуская руки Нэнхун. И наложница увидела, что блаженная мать Чуан стоит на пустоте, как на каменном полу.

– Не бойся, – сказала монахиня, и Нэнхун перестала бояться. Она ступала по пустоте вслед за святой настоятельницей, шаг за шагом, и так они достигли потаенной реки. Воды ее были бурливы и в то же время так спокойны, что в них отражалось небо, полное невиданных созвездий. На берегах реки стояли каменные изваяния драконов, фениксов и цилиней.

Настоятельница и госпожа Нэнхун стали у кромки воды.

– Трижды наклонись к реке, трижды зачерпни воды, трижды сделай глоток и так постигнешь свое грядущее, обретешь надежду, отринешь страх, сказала блаженная Чуан.

Нэнхун повиновалась. В первый раз зачерпнула она воды – вода была почти горячей. Выпила – вода на вкус оказалась слаще меда. Во второй раз зачерпнула Нэнхун воды – вода была едва теплой, а сладость в ней мешалась с горечью. Когда же в третий раз зачерпнула государева наложница воды из чудесной реки – та была ледяной, а на вкус горька, как желчь, как яд, как отвар полыни... Нэнхун понудила себя проглотить эту горечь и взглянула на настоятельницу Чуан.

– Нет в моем сердце страха, – сказала Нэнхун. – Есть надежда, которая не обманет. И в свете и во тьме побывала душа моя, пока я пила воду священной реки. Но я не умею истолковывать приметы грядущего. Помогите мне, блаженная мать!

– Опиши мне, что ты чувствовала, – приказала настоятельница.

– В первый раз я пила горячую и сладкую воду – словно пила густой дорогой чай, потом вода стала чуть теплой и наполовину сладкой, наполовину горькой, а в третий раз – такой холодной и горькой, что щипало язык, сводило скулы и ломило зубы!

– Таково твое будущее, – сказала мать Чуан. – Вначале оно исполнится для тебя сладости и теплоты жизненной и сердечной. Ибо ты станешь супругой императора, наденешь облачение императрицы Яшмовой Империи, а после того в скором времени понесешь во чреве.

– О, – прошептала госпожа Нэнхун.

– Ты родишь дивное дитя – в том будет сладость, но тебе не суждено остаться с ним – в том горечь второго глотка. Тепло в твоём сердце не оскудеет, но вокруг тебя сгустится холод зла, которое на таком расстоянии невозможно увидеть в лицо и назвать по имени.

Госпожа Нэнхун едва слышно вздохнула.

– Конец твоей жизни ознаменован горечью и холодом отчуждения. Тебя предадут, отвернутся, забудут. Но и тогда храни в своём сердце надежду, не пускай в него злобу, будь тверда в страданиях. Вот все, что я могу тебе сказать, дитя.

Госпожа Нэнхун сделалась ни жива, ни мертва от таких слов.

– Блаженная мать, – наконец выговорила она, Но что же будет с моим ребенком? С государем Жоа-дином?

– Мы смотрели в твое грядущее – не в их, – ответила настоятельница Чуан, – Потому не спрашивай меня о том, чего ни мне, ни тебе не следует знать.

– Как мне жить с таким знанием? – прошептала Нэнхун.

– Стойко, – ответила мать Чуан и взяла за руку императорскую наложницу...

... В этот момент госпожа Нэнхун проснулась у себя в келье. Оказалось, что она заснула, распростершись на молитвенной циновке. За крошечным окошком бархатно чернела глухая ночь. Вокруг стояла тишина, не нарушаемая ни единым звуком, именно такая тишина царит по ночам в далеких монастырях.

– Какой ужасный сон я видела, – прошептала Нэнхун, вставая.

Но горечь во рту, оставшаяся от последнего глотка, говорила о том, что это был не просто сон.

... Через несколько дней император Жоа-дин и госпожа Нэнхун покинули монастырь Великого Постижения, возвратились в столицу. А когда во дворце истек срок положенного траура по императрице Тахуа, государь облачился в лиловые одежды, вместе с Нэнхун совершил моление перед дощечкой с именем умершей, а затем предал дощечку огню. После чего во дворце начались приготовления к свадьбе императора.

Нэнхун и радовалась предстоящей свадьбе, и тревожилась. Стать императрицей из простой наложницы – значит породить сплетни, зависть и косые взгляды. Впрочем, к этому Нэнхун была готова. Одно печалило ее: когда-нибудь сладость сменится горечью, безымянное зло нанесет свой удар, и с этим ничего нельзя поделать.

Придворные гадатели назвали благоприятный день для свадьбы, и церемония состоялась. Император и Нэнхун в роскошных торжественных одеждах совершили поклонение Небесной Канцелярии и духам предков, вкусили супа брачного согласия¹⁷ и свадебного вина... Празднество во дворце превосходило всякое воображение. На пирах подавались самые изысканные яства и вина: множество лицедеев, танцовщиц, певиц, фокусников потешали гостей. Над дворцом гремели и сверкали разноцветными огнями фейерверки. Императору и новой императрице подносили дары государи соседних стран...

– Рада ли ты, моя государыня? – в один из праздничных дней спросил Жоа-дин.

– Да, владыка, – склонила унизанную драгоценностями голову Нэнхун.

Свадебные торжества продолжались до Нового года. А сразу за новогодними праздниками императрица Нэнхун почувствовала себя в тягости. Лекарь Босюэ подтвердил ее пред-

¹⁷ Церемония бракосочетания в Яшмовой Империи включает в себя вкушение женихом и невестой особого супа брачного согласия, после которого брак считается заключенным. Суп в данном случае служит эквивалентом обручальных колец

положения: владычица ожидала ребенка. Когда об этом узнал император, то на радостях издал указ об освобождении всех заключенных, об отмене смертной казни на несколько лет и о даровании свободы рабам, которые не могут сами себя выкупить.

– Я ощущаю себя небожителем, – сказал император государыне. – Мое счастье так полно, что нечего больше и желать. Разве только того, чтоб ты родила сына. Но и дочь – это прекрасно!

Тогда же император Жоа-дин написал завещание, в котором объявлял наследником престола ребенка, рожденного государыней Нэнхун. Завещание освидетельствовали жрецы из храма Небесных Чиновников, поместили в особую шкатулку и опечатали ее восемью золотыми печатями, которые снять можно было только в случае смерти императора. Шкатулка была помещена на алтаре одной из Пяти молитвенных башен императорского дворца...

И снова неумолимо стучали колеса повозки Времени, увозя в прошлое людские радости и печали, привозя из будущего новые печали и радости. В положенный срок императрица Нэнхун разрешилась от бремени. При родах, помимо целой толпы повивальных бабок, императрице прислуживала Юй, ибо ей Нэнхун доверяла как самой себе. Юй приняла ребенка, осмотрела его и сказала:

– Возрадуйтесь, моя государыня! Вы родили девочку.

– Покажи мне ее, Юй, – попросила Нэнхун осипшим от долгих мучительных криков голосом.

– Да, владычица. – Юй показала императрице крошечное писклявое существо. – Ваша дочка прекрасна как лотос! Ну, или как бутон лотоса.

Нэнхун слабо улыбнулась:

– Слава Небесам! Надеюсь, император будет рад... Императрица не ошиблась – радости ее супруга не было предела. Когда ему поднесли запеленутую в драгоценные ткани дочку, он взял ее на руки, поднялся к престолу, возвышающемуся в главной зале Непревзойденного дворца, и положил младенца на престол.

– Вот ваша будущая императрица, моя славная наследница! – возгласил император Жоа-дин толпившимся перед ним придворным. – Только не вздумайте сейчас оглашать воздух приветственными кличами. Еще напугаете мне малышку. Пошли вон.

Император снова взял дочку на руки, сел на престол и принялся напевать колыбельную. Если в зал заглядывали сановники, император, не прерывая пения, так грозно сдвигал свои знаменитые брови, что сановники беззвучно исчезали за дверью.

Через десять дней после рождения девочки император и императрица пришли с нею к Пяти молитвенным башням. Жрецы вознесли молитвы о благополучии и здоровье принцессы, а затем ей дано было имя Фэйянь, означающее «дарованная Небесами».

... И лишь прочитав следующую главу, вы узнаете, что случилось дальше.

Глава шестая

ИМПЕРАТОРСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Уснули сады,
Задремала на ветках листва
Лишь звезды не дремлют,
За нами с небес наблюдая
И нет суеты,
Не нужны никакие слова.
На спящую землю
Небесные феи слетают.
Они утешают
Скорбящих в печали немой.
Они как роса,
Что на лотосе ярко сияет...
И спящие знают —
Вернутся родные домой.
И вновь небеса
Милосердием их озаряют.

Императрица Нэнхун допела колыбельную и, отогнув уголок легкого летнего одеяла, глянула на дочку.

— Благих тебе снов, сокровище мое, — прошептала императрица.

Но четырехлетняя принцесса Фэйянь немедленно открыла глаза. Были они у нее сияющие и совершенно не сонные.

— Мне не хочется спать, матушка, — хихикнув, сообщила принцесса и села в постели. — Расскажи мне сказку. Или позови Юй, она любит читать мне на ночь сказания о славных героях древности...

— Фэйянь, уже поздно, — сказала строгим голосом императрица. — Перестань баловаться и спи. Иначе завтра мы с отцом не возьмем тебя на Праздник Солнечного Тигра.

— Ну пожалуйста...

— Фэйянь...

— Матушка, ну хотя бы расскажи мне историю о том, как ты подарила отцу вышитое панно и игрушечный садик и как злая наложница Шэси обманула всех.

— Фэйянь, откуда ты знаешь об этой истории? — изумилась императрица.

— Простите, владычица, это мой глупый язык все разболтал, — услышала Нэнхун знакомый голос. Потайная дверь в покои принцессы была открыта, и на пороге стояла Юй в ночном халате из дорогого шелка и с серебряной сеткой на распущенных по плечам волосах.

— Юй! — обрадовалась вошедшей принцесса. — Иди ко мне, посиди тут. Я не хочу спать. Ну вот совсем.

— Но раз матушка велит... — возразила Юй.

Служанка, когда-то носящая прозвище Расторопные Туфельки, а теперь получившая титул главной наперсницы, приблизилась к императрице, опустила на колени и поцеловала той руку.

— Простите свою болтливую Юй, государыня, — сказала она.

– Встань, Юй. устраивайся рядом, – улыбнулась императрица Нэнхун. – Расскажи какую-нибудь историю этой непослушной девочке. А мне нужно навестить императора.

– Конечно, государыня, – поклонилась Юй.

– И постарайся, чтобы Фэйянь уснула. Иначе завтра на празднике она будет клевать носом.

Юй снова поклонилась. Императрица Нэнхун поцеловала дочь и вышла из спальни. Она направилась напрямик в рабочий кабинет императора, ибо знала, что тот в последние дни тоже почти не спит, а в глазах его мелькает озабоченность и тревога.

Нэнхун бесшумно вошла в кабинет. Жоа-дин сидел за столом, перед ним в беспорядке были разбросаны свитки донесений, карты провинций Яшмовой Империи, письма... Несколько свечей освещали помещение, от этого света лицо императора выглядело постаревшим и усталым.

– Что случилось, мой государь? – подошла к столу Нэнхун.

– А, это ты, милая. – Император оторвался от бумаг и устало потер лоб. – Отчего не спишь?

– Оттого, что не спите вы, мой государь. Я тревожусь за вас.

Император привлек к себе Нэнхун, усадил на колени.

– А я тревожусь за всех, сердце мое, – сказал он.

Нэнхун чуть отстранилась:

– Дурные вести, государь?

– Противоречивые, – ответил Жоа-дин. – Военачальники Восточных пределов все, как один, шлют мне донесения, что на границе неспокойно. Меж тем тамошние сановники заверяют в письмах, что Восточные пределы – область невозмутимого мира. Не знаешь, кому верить...

– Верьте правдивым, государь.

– Так ведь никто не признается в том, что он лжец... А вот еще письмо. Доставлено с сегодняшней секретной почтой. Оно от моего побратима – государя земель Жумань.

– Что же пишет вам владыка Хошиди?

Император помрачнел:

– Побратим мой обеспокоен многочисленными слухами о том, что в предгорьях Лумань снова собралась шайка огнеглазых убийц. Когда-то мы с побратимом Хошиди разбили наголову эту шайку. И вот раздавленная змея снова поднимает голову. Побратим мой – человек рассудительный, и уж если его охватывает беспокойство, то виной тому истинные неприятности.

– На каком основании владыка Хошиди решил, что в предгорьях Лумань появились именно огнеглазые убийцы? – спросила императрица Нэнхун, рассматривая карту Восточного надела. Предгорья Лумань выделялись на карте неровной коричневой чертой, напоминавший потек засохшей крови.

– Владыка Хошиди пишет, что на прошлой неделе в предгорье были сожжены две деревни. Все жители – в том числе и дети – убиты. И у каждого убитого выжжены глаза. Так метят своих жертв только огнеглазые убийцы, за что и получили свое прозвище.

Императрица Нэнхун побледнела, но не позволила себе вскричать от ужаса, ибо это показало бы ее слабость.

– Что вы предприняли, государь? – спросила она.

– Владыка Хошиди выступает с походом в предгорья Лумань. Я послал в помощь побратиму пятнадцать отрядов своих лучших воинов. Я верю, что они обнаружат и покарают убийц, будь те хоть сворой воплощенных демонов.

– Это благородно, как и всякое ваше деяние, мой супруг, – сказала Нэнхун.

– Да, – кивнул император. – Но вчера мне пришло письмо от другого моего побратима – светлого князя Семуна, повелителя земель Го, Хэншоу и Сяогань. Он просит о помощи, ибо на его земли вторглись полчища северных кочевников. Армия Семуна незадолго до этого участвовала в военных действиях против приморских владычеств Жунсян и потому сильно ослаблена. Я отправил в помощь светлому князю пятьдесят отрядов своих лучших воинов. Долг брата – высший долг.

– Вы говорите это, но лицо ваше тревожно, мой государь, – сказала Нэнхун.

– Не стану скрывать от тебя своей тревоги, моя возлюбленная, – признался Жоа-дин. – Сказано мудрецом: «Семь лет без войны – высшее благо для государства». Мы живем без войны уже три раза по семь лет. Не отвыкли ли мои воины держать в – руках меч и лук, вот что меня тревожит... Не осрамят ли они меня перед побратимами?

– Воин не может разучиться воевать, как птица не может разучиться летать, – заметила Нэнхун. – Государь, вы скрываете от меня еще что-то.

– Ты права, – кивнул Жоа-дин. Взгляд его мрачно блуждал по картам и донесениям. – Я тревожен, но эта тревога недостойна моего сана. Знаешь ли ты притчу о бедняке, который, исполняя долг гостеприимства, накормил своих гостей всем, что у него было, а затем наступили дни неурожая и семья его умерла с голоду? Боюсь, что я столь же недалек и расточителен. Поделившись с побратимами своими отборными войсками, я остался только с теми, что стоят на границах, да еще с теми, которые охраняют столицу и наш дворец. Если, не приведи Небеса, на нас в это время кто-нибудь нападет...

– О нет, не думайте так, государь! – воскликнула Нэнхун. – Разве вы чем-то прогневили Небеса, что они могут ниспослать на вас и на Яшмовую Империю эдакое бедствие? Да даже если и случится подобное, неужели побратимы ваши – светлый князь Семун и владыка Хошиди – не придут к вам на помощь?!

– Верую, что придут, – ответил император Жоадин. – Но душе моей неспокойно... Впрочем, довольно об этом. Скажи, что наша принцесса, заснула?

Нэнхун улыбнулась и покачала головой:

– Фэйянь никак не уложить спать без какой-нибудь старинной истории или легенды. Она оставила при себе Юй и сейчас наверняка заставляет ее рассказывать о небесных феях или бессмертных героях...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.